

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ОСТРОВА

Алекс Орлов

Острова

Серия «Бронебойщик», книга 5

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5005657
Алекс Орлов. Острова: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62904-6

Аннотация

Десантная армада из семнадцати кораблей мчится к вражеской звездной системе. На борту одного из них Джек Стентон – пилот боевого робота – в компании друзей-пилотов, нескольких тысяч пехотинцев и пары вражеских шпионов. У врага свои проблемы, в результате государственного переворота в Империи каттингов к власти пришла древняя раса гризоттов, бескомпромиссных и агрессивных бойцов. Самое время воспользоваться этим и нанести удар первыми, но шпионы каттингов намерены сорвать планы людей. На перехват десанта направляются наспех собранные штурмовые дивизии. Джек и его товарищи срочно занимают места на артиллерийских палубах. Атаку врага нужно отбить во что бы то ни стало, ведь в Космосе отступить некуда...

Содержание

1	5
2	8
3	13
4	18
5	21
6	24
7	27
8	32
9	36
10	42
11	45
12	49
13	55
14	59
15	63
16	66
17	71
18	75
19	79
20	82
21	85
22	89
23	93

24	98
25	101
26	109
27	112
28	117
29	122
30	126
31	132
32	135
33	139
34	144
35	147
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Алекс Орлов

Острова

1

В этот раз все прошло, как обычно, – стандартные улыбки, стандартные фразы, стандартная такса. Кажется, ее звали Твинни или Энни, у Лонгверда их имена давно путались в голове. По счастью, запоминать их не было нужды – помнить имена шлюх необязательно. К тому же все они были профессионально фальшивые, словно не настоящие.

«Ты сегодня особенно хорош, красавчик».

«Это потому, крошка, что ты сама просто клубника со сливками...»

«Аха-ха!»

И убежала в ванную.

Лонгверд посмотрел на часы, на сегодня у него еще оставалась запланированная встреча с источником. Тот не был завербован, скорее просто болтун, но болтун что надо. Он работал в государственном агентстве перевозок и ведал учетом топлива – только и всего. Но благодаря его бухгалтерскому старанию Лонгверд точно знал, какой корабль, какой флот, какое соединение собирается отправиться на короткую учебную «войну» или же готовит долгий переход, ска-

жем, недель на десять.

Десять недель – это был тот самый критический срок, за который боевые корабли могли достичь Кольца туманов, за которым начинались «пригороды» Метрополии. И хотя тянулись эти пригороды на триллионы километров, захват хотя бы нескольких передовых баз Кольца туманов мог значительно сузить возможности Метрополии к расширению.

Девушка вышла из душа, вильнув розовым задом. И что в этом находят местные самцы? Если бы не служба, Лонгверд никогда бы этим не занимался, да еще дважды в неделю, да еще в таком захолустном отеле! Но выбирать не приходилось, таковы были условия его легенды.

Некий человек исчез, а на его место пришел пластифицированный нороздул, который теперь следовал буквам чужого досье: «пунктуален, любит сидр, помешан на шлюхах с большой задницей». И будь добр соответствовать!

– Прощай, сладенький, – пропела она, смахивая в сумочку оставленную на столе ассигнацию.

– Пока, детка, хороших тебе снов.

Хлопнула дверь, и он остался в номере один. Теперь его очередь идти в ванную, и следовало поторопиться, ведь этот бухгалтер неуравновешен, в прошлый раз он требовал политического убежища!

Где и от кого? Лонгверд встал под душ и включил самую горячую воду, от которой стала коробиться пластиковая занавеска.

«Ресторан «Лакоста», столик номер два, обед на две персоны к двадцати сорока пяти...»

Вроде ничего не забыл.

Через десять минут он уже выходил в холл с потертыми гардинами и засаленными коврами, которые следовало выбросить еще десять лет назад.

– Всего хорошего, господин Чен, – поклонился из-за стойки портье.

– Пока, Миттель, до четверга! – ответил Лонгверд и небрежно бросил на стойку скрученные в трубку десять ливров.

Здесь его знали под именем Чен, здесь его любили за чаевые, и это его устраивало. Официанты, портье, горничные были его прикрытием и на любом допросе сразу бы рассказали, что каждую неделю он водит в номера шлюх. А это Лонгверду и было нужно. Не сейчас и не завтра, но, возможно, когда-нибудь.

2

Фонгифер опоздал на пятнадцать минут. Впрочем, Лонгверда это не удивило и не огорчило. Люди вообще были не пунктуальны, а уж такие, как Фонгифер, и вовсе вываливались из любой коллекции.

Сорок два года, не женат, помешан на порнографии и экспериментальном кино. Любит ходить на манифестации и уверен, что премьер-министр лично виноват в его собственных проблемах. Да, у него энурез, и ради этого стоит ходить на манифестации, что бы ни говорили об этом соседи.

– О! Мишелинк! – воскликнул информатор, замечая Лонгверда. – Как я рад тебя видеть!

– И я тоже рад, Полиморфус! – не менее радушно отозвался Лонгверд, поднимаясь из-за стола и пожимая мокрую ладонь бухгалтера.

– Чем мы сегодня обожремся? – уточнил Фонгифер, с трудом втискиваясь в ресторанное кресло. Помимо множества своих фобий он лелеял свое обжорство, он обожал есть – всегда, везде и все.

– Сегодня вы обожретесь свиными ребрышками! – в тон ему ответил Лонгверд, и они заржали, привлекая внимание других посетителей.

– Мишелинк, я тебя так обожаю, что просто нет слов! Ты друг, ты настоящий друг с большой буквы!

– Спасибо, Полиморфус, – играя в скромность, ответил Лонгверд. Это дурацкое имя – Мишелинк – он придумал для того, чтобы Фонгиферу было приятнее с ним общаться. Лонгверд, фон Бранденбург, Алонсо де Ривийра – все подобные звуки подавляли человека, пугали его и делали заранее недоступным для общения, а имена Франтишек, Штимек или Мишелинк вызывали у людей только улыбку, поскольку так могли звать несмышленного глупыша, дворового придурка или производителя резиновых изделий. А значит – никакой агрессии.

– Мишелинк, я тебя обожаю за то, что ты друг не с одной большой буквы, а даже с двух больших букв!

Подошел официант и этим помог Лонгверду снять приступ тошноты.

– Итак, господа, тот же заказ или желаете что-то обновить?

«Ну что за козел? Мы ведь все с ним обговорили, он даже чаевые вперед взял!» – мысленно вознегодовал Лонгверд и незаметно ударил официанта каблуком по ноге, после чего тот немедленно убрался.

– Какие хорошие здесь официанты! – громче, чем следовало, произнес Фонгифер. – Чувствуется выучка и обаяние! Врожденное обаяние!..

– Замечательные ребята, – огласился Лонгверд. – Они проходят отбор, чтобы выйти на публику, ведь тут полно всяких известных людей, тонких натур.

– Правда? – воскликнул Фонгифер и завертелся, словно на плите. – Но я никого не узнаю.

– Они все в париках.

– В париках?

– Да, в париках, накладных масках с носами и в гольфах.

– Но почему в гольфах?

– Чтобы их не узнали по родинкам. На голени.

– А-а, – протянул Фонгифер и, взяв с тарелочки хлеб, принялся его жевать.

Снова появился официант и принес свиные ребрышки, недоеденные на корпоративной вечеринке три дня назад. Лонгверд догадался об их происхождении, но цена оправдывала все. Гостю же было все равно, и он сразу накинулся на угощение.

– М-м-м-м... О-о-о... Это лучше, чем седло барашка!.. – сообщил он, давась мясом и пачкаясь свиным жиром.

– Как на работе?

– На работе все по-прежнему... Меня не понимают, моих указаний не выполняют, мои идеи не продвигают. Общество слепых, так их разэдак!

– Расскажи мне, я попытаюсь разобраться, – попросил Лонгверд, заранее готовясь отключить слух на ближайшие полчаса, именно столько его информатор обычно изливал свои обиды. Потом он уставал – Лонгверд понимал это по выражению глаз – и тогда можно было выуживать из него конкретную информацию.

– Эта Клара, ты помнишь, я говорил тебе про нее?

– О да, у нее ужасная прическа.

– Да, точно! Но сиськи, Мишелинк! Ты не видел сисек больше, чем у нее, уверяю тебя!

– Ты же говорил, что она холодная старая дева и что она тебе неинтересна, – напомнил Лонгверд, делая вид, что обгладывает ребрышки.

– Говорил! И был в этом искренен, но я ошибался! Я подсматривал за ней в ванной у нас в спортивном комплексе! О-о, Мишелинк! Это было еще то шоу!..

Лонгверд уже знал, что в этом месте мог безболезненно отключиться и лишь изредка гримасничать, то ли улыбаясь, то ли морщась от зубной боли, что вполне сходило за сопереживание, а Фонгифер это ценил.

В зале прибыло народу. Какой-то праздник в дальнем углу – три сдвинутых стола, эффектная блондинка, мужчина с животом и дряблыми щеками, остальных было не разобрать, они ничем не выделялись. А еще два дуэта, один – пожилые, лет по шестьдесят, седые, взаимно вежливые. Все блюда на парú – соблюдают диету. Другая пара была их полной противоположностью – им по тридцать, она в красном платье и с сигаретой, он в шелковой рубашке и кожаном пиджаке; нос сизый от кокаина. Друг на друга не смотрят, официантам отвечают невпопад, как будто отбывают номер.

«Уроды», – совсем по-человечески подумал Лонгверд и заметил, что его информатор как будто о чем-то его спраши-

вает.

– Что ты сказал?

– Ты меня не слушаешь, Мишелинк?

– Извини, приятель. Я слишком погрузился в твой мир, эта Анджела в душе и Буринам с его разлитым чаем, я как будто снимал собственный фильм, честное слово!

– Вот же какой ты удивительный человек, Мишелинк, как тонко ты чувствуешь искусство!

– Искусство? Да брось, это только фантазии, пустые фантазии...

– Так вот слушай, что было дальше.

И Фонгифер снова пустился в пространные описания того, как его не поняли, не распознали, украли из шкафа сахар и оборвали вешалку на пальто.

Лонгверд кивал, посматривая в зал и отмечая появление новой публики, покрасневшиеся от алкоголя лица и кое-где даже напряжение – не все здесь были рады друг другу.

– Вот такие вот у нас дела, – подвел итог Фонгифер и снова принялся за ребрышки. Лонгверд тоже вернулся к реальности, поскольку «вот такие вот у нас дела» было ключевой фразой, и он уже знал, что после нее будет плотный перекус, а потом информация по делу.

Между тем напряжение за столом, который находился через две компании от Лонгверда, постепенно нарастало. Ситуация была безвыходной – двое мужчин под сорок и миловидная женщина лет тридцати. Непонятно было, с кем она пришла, поскольку пыталась успокоить и одного, и другого, однако это их лишь подзадоривало и они жаждали немедленного выяснения отношений.

– Восемьдесят тысяч метрических квадрантов было переведено в район базы Квотин, это в двадцать четыре раза больше, чем они запрашивали на год. Похоже, твоя теория пространственных чисел действительно имеет какой-то смысл.

– Да-да, продолжай, пожалуйста, – улыбнулся Лонгверд. Фонгифер стал называть новые цифры поставок, и Лонгверд их старательно запоминал одной частью своей памяти, а из другой извлекал воспоминания о том, как познакомился с Фонгифером.

Злачные места, клубы, закрытые вечеринки – все эти места давно перестали быть необходимыми для знакомства и начала вербовки, поскольку гораздо эффективнее было использовать подходящую социальную сеть, где вся работа по фокусировке «материала» была уже сделана и оставалось лишь выбрать подходящий объект.

Потом начинался этап знакомства: проявление внимания, обсуждение проблем объекта.

Им это нравится, ведь они совсем не популярны, и не каждое их выступление вызывало интерес хотя бы одного комментатора. А Лонгверд приходил не один, а в сопровождении специальных программ, которые помогали организовывать бурное обсуждение каждой высказанной Фонгифером банальности. Здесь были выступления «за» и высказывания «против», а когда виртуальные злодеи наседали, появлялся Лонгверд и парой-тройкой остроумных фраз всех их распушивал.

Неудивительно, что вскоре он стал для бедняги Фонгифера лучшим из людей.

– Не думаю, что такое количество топлива могут вместить космические термосы, которые отправили на базу Байдас всего три недели назад, скорее всего, часть пойдет на заправку двенадцати новых крейсеров. Я видел их проморолик, Мишелинк, он, конечно, для внутреннего пользования, но тебе я могу сказать, ты же математик и не интересуешься политическими делишками.

– У тебя жир, минуточку.

Лонгверд перегнулся через стол и промокнул салфеткой подбородок неряшливому Фонгиферу.

Подошел официант и сменил тарелки. Предложить что-то сверх оговоренной программы он больше не решался, нога все еще болела.

– Да я тебя, падла, в ковер укатаю!.. – донеслось от третьего справа столика.

Мишелинк слегка поморщился.

– Вот ведь быдло, правда? – прокомментировал Фонгифер, пододвигая вторую порцию ребрышек, которую ему отдал Лонгверд.

– Надеюсь, их скоро выставят.

И действительно, в зале появились сразу трое официантов, которые попытались уговорить гостей не буянить или, по крайней мере, покинуть ресторан.

– Продолжим беседу, Фонги. Пока ясно одно – раз такие огромные поставки начались на внешние базы, значит, по моей теории, должно снизиться внутреннее потребление, правильно?

– Не совсем так, – покачал головой бухгалтер, и в этот момент у третьего столика завязалась драка. Тарелки, бутылки и стулья начали разлетаться, как горячая шрапнель.

– Да я тебя порву!

– Господа, прошу вас, успокойтесь!

– Ты кого ударил, тварь?! Ты кого ударил?!

Люди стали выскакивать из-за столиков и выбегать из ресторана, а следом за посудой и мебелью на пол полетели трое официантов.

Лонгверд оглянулся, – двое противников били друг друга чем попало. Оба уже были в крови, их одежда была разорвана, но сдаваться никто не желал, а объект раздора – девушка,

стояла у колонны, прижав к себе сумочку и, должно быть, потеряла от ужаса дар речи.

В какой-то момент один из бойцов крепко приложил противника, и тот свалился, а победитель вскинул руки и, оглядевшись в поисках нового соперника, увидел обернувшегося Лонгверда.

– Чего сморишь, урод, а? Ты чего вылупился?! – заревел он и бросился на не понравившегося посетителя. Лонгверд вскочил со стула, однако помня, что он всего лишь математик, увлекающийся бадминтоном, толкнул агрессора обеими руками, но толчок оказался таким сильным, что бедняга пролетел через весь зал, собрав разбитую мебель, и рухнул вместе с ней у противоположной стены.

– Ай-яй-яй! – громко произнес полицейский сержант, который первым из наряда вошел в разгромленный зал ресторана. За ним появились еще четверо. У одного в руках был пистолет, у других электрошокеры.

– Мистер, поднимите-ка руки и подойдите сюда! – приказал сержант, обращаясь к Лонгверду.

– Он ни в чем не виноват, офицер! Мы мирно сидели за столом! – вступился на товарища Фонгифер.

– Не вмешивайся, просто уходи, позже созвонимся, – сказал Лонгверд, поднимая руки.

– Да? А ты сам разберешься?

– Ну, конечно, Фонги.

– Тогда я пошел, дружище! Тогда я побежал, не буду пу-

таться, так сказать, под ногами.

Фонгифер смахнул оставшиеся ребрышки на салфетку и сунул в оттянутый карман брюк.

– Я иду, сержант, все в порядке! – сказал Лонгверд, направляясь к полицейским.

Наскоро обыскав Лонгверда, полицейские заставили его смотреть в стену, а сами занялись предварительным опросом свидетелей.

«Интересно, сколько это продлится?» – подумал он и предположил, что от четверти часа до сорока минут. Потом его ждала поездка в участок, сидение до полуночи в запертом обезьяннике, затем вызов на допрос, где замученный бытовухой следователь, с желтым от курения лицом, скажет ему: ваша вина пока не доказана, мистер Кузман, но до суда, пожалуйста, не покидайте город.

Да, именно так, ведь в найденных у него документах он значился Мишелинком Кузманом, математиком института глобальных исследований.

– Миссис Маннесманн, кто первый начал эту драку?

«Ага, значит, эта кроткая кошечка – мисс Маннесманн», – ухмыльнулся Лонгверд. Разумеется, местные женщины его не интересовали, но по долгу службы он так привык обращаться на них внимание, что это стало необходимым.

Если он шел по улице с коллегами по работе, следовало каждую красотку провожать долгим взглядом, оценивать, как у нее с «низом» и с «верхом».

«Что скажешь, Сэм? Заметная крошка?»

«О да, за такой можно бежать до пригорода».

«Только до пригорода?»

«Дальше плохое освещение...»

«Ха-ха-ха», – все смеются, он в обойме и ничем не отличается от других.

– Все началось так неожиданно, офицер... Поль и Джером сцепились в одну секунду, а до это просто спорили, ну знаете, как это бывает у мужчин: твой «ридарт» полная дешевка, у него слишком большая серия и колеса серийные. А у тебя – пиджак от Лероя Монса, Лерой отстой, три тысячи за пиджак – тоже дешевка. Вы понимает меня, офицер?

– Нет, мисс, все мое жалованье тысяча двести...

– Я не это хотела сказать, – смутилась она, и Лонгверд улыбнулся – не он один оплошал в этот вечер.

А что он мог сделать? Встать и уйти? Сослаться на недомогание, пусть Фонгифер жрет в одиночестве?

Да, можно было уйти при первых намеках на скандал, но Центр трясет и требует новых данных, и не просто новых, а проверенных многократно! Как тут не рисковать?

Кто-то из полицейских закурил сигареты «Морз» с титановым ароматом – Лонгверд его не переносил, у него было обостренное восприятие запахов.

– Так что, мистер Лерой, зачем вы ударили вашего знакомого?

– Дымля... Вля... Блу-блу...

– Понятно. Джеф, вызови медиков, этот дурак глотнул какой-то химии.

– Этого не может быть, офицер! Лерой порядочный человек, его отец председатель городского собрания!

– Помолчите, миссис Маннесманн, иначе мне придется сообщить о случившемся вашему мужу.

– Я... Мне...

Ясно было, что красотка отступила, Лонгверд почувствовал это даже стоя к сцене спиной.

– Я вообще-то почти разведена и живу в отеле, звонок мужу ничего вам не даст, офицер.

– Простите меня, миссис Маннесманн, я ничего не имел в виду. Дайте нам работать, пожалуйста, скоро мы вас отпустим. Джеф, давай всех в броневик.

– Но капитан разорется, Руди, он потребует предвариловки...

– Какая, на хрен, предвариловка, если оба этих урода ужрались химией? Сколько они заплатили за это дерьмо, миссис Маннесманн?!

Лонгверд так и видел раскрасневшееся лицо сержанта, его злые глаза и нежную миссис Маннесманн, живущую в отеле, в номере за пять сотен ливров за ночь где-нибудь в «Катермане». И за все платит муж, с которым они якобы уж расстались.

Через пятнадцать минут прибыли две кареты «Скорой помощи», и обоих драчунов увезли. Потом отпустили миссис Маннесманн и, наконец, вспомнили о Лонгверде.

– Вы можете повернуться, мистер... – сказал сержант, закуривая еще одну «Морз» и отстраняясь от щетки официанта, который наводил в разгромленном зале порядок.

– Сержант, у меня к вам приватный разговор... – сказал Лонгверд.

– Правда?

Сержант посмотрел на своих коллег, и те одновременно кивнули, будучи уверены, что это предложение взятки, а значит, они в доле.

– Ну-ка, Джеф, подгони мне документы этого господина.

Капрал подошел к задержанному и выудил из его нагрудного кармана пластиковую карточку.

– Ну и что там?

– Мишелинк Кузман, поставки металлопроката, математик.

– И как дела с поставками металлопроката, Кузман? – спросил сержант, и все засмеялись, даже официант с подбитым глазом, собиравший с пола осколки.

Лонгверд не ответил, продолжая смотреть на сержанта, тогда тот сделал знак своим, чтобы убрался в дальний угол

зала, где для полицейских был уже накрыт стол – скромно, но питательно.

– Подойдите сюда, сержант, – сказал Лонгверд.

Полицейский многозначительно улыбнулся и раскачивающейся походкой подошел к задержанному.

– Ну? – сказал он, ожидая лестных предложений.

– Мне жаль в этом признаваться... но я здесь по работе...

– Не понял, – дернул головой сержант, но сейчас же поправился: – А, нет, понял. Вы коп?

– Хуже.

– Эс-Гэ-Бэ?

Лонгверд переломил удостоверение в другую сторону и показал сержанту. Теперь там значился вовсе не Мишелюин Кузман и не было никакого металлопроката.

Для сотрудника спецслужб это было непрофессионально, но так уж вышло. Правильнее было пройти через все полицейский круги и выйти в ночь без кошелька с предупреждением не уезжать из города, но именно сегодня у Лонгверда была назначена важная встреча, отменить которую был не в силах даже директор СГБ. Как его там, бишь? А, впрочем, какая разница.

– Можете проверить по указанному телефону...

– Я вам верю, сэр. И прошу прощения за весь этот балаган. Эти дураки, они... А те двое вообще были наркоманы.

– Одним словом, сержант, мы друг друга поняли.

– Ну еще бы не поняли, сэр! – развел руками полицей-

ский.

– Скажите своим людям, что нарвались на какого-то мажора, ну, скажем, сына председателя городского совета или что-то в этом духе.

– Понимаю, сэр, вам нужно уйти инкогнито...

– Пожалуйста, сержант, сделайте это, – сказал Лонгверд и вышел из зала.

В сумраке моросил мелкий дождь, и, поглядев на чернеющие вечерние тучи, Лонгверд поднял воротник пиджака, прикидывая, как лучше добраться до места.

На такси проще всего, но турболайн была понадежнее, там легче обнаружить «хвост».

А чего ему бояться «хвоста»? Почему он подумал про «хвост»? Подсказки подсознания? Но в подсознание верили только люди, а Лонгверд признавал лишь чутье. Старое доброе чутье нороздула.

От стены отделилась фигура, и Лонгверд узнал девушку из ресторана – спутницу драчунов-наркоманов.

– Они отпустили вас? – спросила она.

– Ну, в общем, да.

Лонгверд сунул руки в карманы, не зная, как вести себя в этой ситуации. Такого тренинга он не проходил.

– Я была уверена, что вас отпустят.

– Ну, в общем, да, никакой моей вины не было.

– Вы сейчас куда?

– Я?

Лонгверд вздохнул. Да, лишний тренинг ему бы не помешал. Но что сейчас ответить?

– Я пока не решил, но...

– А давайте поедem к вам?

Лонгверд не успел ничего придумать, как девушка продолжила:

– Или лучше ко мне, я живу неподалеку, в отеле «Катерман»...

– «Катерман», – повторил Лонгверд.

– Я вам не нравлюсь, мистер?

– Мишелинк Кузман, поставка металлопроката.

– Вы не подумайте ничего такого, Мишелинк, я вообще-то почти разведена и живу в отеле. Вы не представляете, как трудно быть совсем одной в большом городе. В финансовой поддержке я не нуждаюсь, мой муж... Теперь уже бывший, он порядочный человек и оплачивает мое содержание, но это все равно одиночество.

– Миссис Маннесманн... Вы очень красивы, и вы мне нравитесь, вы не можете не нравиться любому нормальному мужчине, но меня еще ожидает важная встреча...

– М-м-м, понимаю, сделка на кругленькую сумму, – дрожащим от обиды голосом произнесла миссис Маннесманн.

– Что-то в этом роде, простите меня, но сегодня не тот день, когда... Послушайтесь совета малознакомого человека, вернитесь в отель, выпейте крепкого чая с лимоном, лучше сладкого, и посмотрите какой-нибудь бессмысленный сериал. Уверяю вас, в вашем состоянии это самое лучшее, а потом вы уснете, и наутро все будет выглядеть совершенно иначе.

– Спасибо, Мишелинк. Это лучше, чем ничего.

Промокнув глаза платочком, она пошла по улице прочь, среди семенящих прохожих и дрожащих огней рекламы. Она обиделась, но Лонгверду сейчас было не до нее, даже если бы он был стопроцентным человеческим мачо.

И все же он выбрал такси. Перешел на другую сторону улицы и остановил первый же экипаж.

Бояться было некого, даже чутье не подсказывало никаких потрясений. Ну, почти.

Итак, лейтенант Джозеф Рюэ. После службы в армии решением особой комиссии направлен в специальное учебное заведение, которое успешно закончил и был направлен на работу стажером в отдел «К», где работал и Лонгверд. Джозеф выглядел как тяжелоатлет, но двигался очень быстро. Это отмечал инструктор по рукопашному бою и преподаватели курсов повышения квалификации. Все проверки на благонадежность Рюэ проходил с первого раза. Ну что еще желать такому молодцу?

Оставив пассажира возле опоры моста, таксист убрался восвояси – хорошие чаевые снимали все вопросы. Когда габаритные огни машины скрылись из виду, Лонгверд подошел к обшарпанной бетонной стене и, приложив к определенному месту карточку, заставил открыться металлическую дверцу, такую маленькую, что ему пришлось согнуться вдвое, чтобы пролезть внутрь.

Прикрыв дверь, он отряхнул пиджак и на ощупь спустился по крутой лестнице, пропахшей сыростью и мышами.

Об этом месте – под мостом – на службе знали и использовали технические помещения в качестве полуофициальных отстойников, где можно было прятать людей, оружие, секретные грузы. СГБ не всегда могла давить своим авторитетом, иногда приходилось работать под простачков, то есть быть как все. А это означало заниматься контрабандой, воровать, хранить награбленное, производить и продавать наркотики – всего не перечесать.

Внизу была еще одна дверь, а за ней коридор с множеством других дверей. Из-под одной пробивался свет, там Лонгверда ждал человек, с которым они иногда виделись в Управлении, но чаще здесь.

Лонгверд толкнул дверь и сказал:

– Привет, Джозеф.

– Привет, Кастор.

Джозеф сидел в потертом лабораторном кресле и перелистывал тысячу раз виденный комикс, забытый здесь, наверное, еще строителями этого моста.

– Ну что, встреча состоялась?

– Да, мы поели ребрышек.

– Было что-то еще?

– С чего ты взял?

– Чутье.

– Старое доброе чутье нороздула?

– Вот именно. Так что там было?

– Драка в ресторане. Пришла полиция, потом разобрались и всех отпустили.

– И тебя?

– И меня. Но не сразу. Пришлось показать удостоверение, но только старшему патруля.

– Генералу? – усмехнулся Джозеф.

– Сержанту.

Лонгверд прошел к дальней стене и опустился на такой же, как у Джозефа стул. Ему не нравился настрой коллеги, в нем что-то изменилось, и он искал конфликта. Не большой ссоры, нет, но он хотел сделать Лонгверду больно.

– Вы говорили о деле или только ели ребрышки?

– Да, мы говорили о деле, и я получил дополнительные сведения, которые могут оказаться ключевыми в этой теме.

– Ну и отлично, давай прямо сейчас сделаем передачу, ап-

паратуру я уже настроил в соседней комнате.

– Я не против.

– Чудесно.

Джозеф достал из кармана блокнот и приготовил ручку.

– Говори, я буду записывать триггерным письмом – так будет быстрее.

– Не нужно записывать.

– А как же будем выводить сообщение?

– Я уже вывел его мысленно. Пойдем на передачу, и я все передам.

– Хорошо.

Джозеф поднялся, убрал блокнот, потом сел.

– Ты, кажется, хочешь сказать мне что-то еще, – напомнил ему Лонгверд, показывая, что тоже имеет чутье.

– Почему ты так решил?

– Джозеф, говори напрямую, мы же не в Управлении...

– Ну хорошо, Кастор. Ты ведь знаешь, что в Метрополии произошли изменения.

– Я слышал об этом.

– Гризотты вернули себе власть.

– Я слышал немного другое, – осторожно заметил Лонгверд и посмотрел на свой маникюр, сделанный на ногтях, подвергшихся остеопластике, иначе бы они не были похожи на ногти человека и перепугали всех маникюрш.

– И что другое ты слышал?

– Гризотты совершили переворот.

Джозеф вздохнул, отчего его перекачанные плечи поднялись, едва ли не выше самой головы. Он вздыхал шумно, как какой-нибудь буйвол из диких степей, и Лонгверд вспомнил про пистолет, лежавший в самом дальнем шкафу в ящике, если, конечно, Джозеф не нашел его и не перепрятал.

– Послушай, Кастор, рано или поздно справедливость должна была восторжествовать. Каттинги были временным звеном. Да, они много сделали для Метрополии, но их время вышло, и так же, как когда-то они изгнали гризоттов, гризотты изгнали их.

– Гризоттов изгнали пятьсот лет назад.

– И что, Кастор? Пятьсот лет или полгода, что это меняет? Их выставили вон, а теперь они вернулись!

– Но ты не гризотт, ты каттинг.

– Не гризотт, но я выступаю за более активную политику в отношении муглов, в отношении всего мира муглов!

– И ты не политик.

– Я не политик, Кастор, но я патриот. Я уже видеть не могу все эти ужимки перед муглами. Ах, они должны оставаться в неведении, ах, они не должны знать. Да пусть узнают, пусть обгадятся, когда на орбитах их планет появятся наши десантные корабли! Тысячи кораблей! Десятки тысяч!..

В запале Джозеф вскочил со стула, и тот упал, однако он этого даже не заметил, продолжая выкрикивать какие-то лозунги, с частью которых Лонгверд был согласен, но только с частью.

Потом он снова подумал о пистолете: перепрыгнул его Джозеф или не нашел? Или, может, даже не думал искать?

– Гризоттам я не присягал, Джозеф, вот в чем дело.

– Ну и что? Я тоже не присягал гризоттам, потому что их тогда попросту не было в Метрополии, а теперь они есть и ситуация изменилась.

– Скажи внятно, чего ты от меня хочешь?

– «Скажи внятно», – передразнил его Джозеф. – Ты изъясняешься, как человек, Кастор. Признаться, я даже завидую тебе, ты так вжился в образ человека, что наверняка даже не имитируешь оргазмов с проститутками...

– А ты имитируешь?

– Конечно. А вдруг нас в этот момент пишут?

Где-то наверху проехал тяжелый трейлер. От его тяжелой поступи содрогнулись стены, но потом снова стало тихо, обычных легковушек мост не замечал.

– Ты должен отправить донесение в новый блок управления, – сказал Джозеф, и в помещении воцарилась такая тишина, что стало слышно, как в коридоре падают на пол капли конденсата.

– Новый блок и так является руководящим, Джозеф, и все, что я отправлю прежнему начальству, однозначно увидит и новый блок. В чем смысл твоего требования?

– Посылая сообщение в новый блок, ты показываешь, что поддерживаешь приход к власти гризоттов.

– А я поддерживаю?

– Не корчи из себя дурачка, Кастор, в Метрополии новая власть, и ты обязан ее поддержать или...

– Что «или»?

– Или исчезнуть.

Лонгверд кивнул. Он тщательно собирал сведения обо всех своих товарищах и знал, что Джозеф был рожден на Ронтуле, где имеется две луны. Его луной был Ловинзал, которая теперь находилась в перигее, а вот луна Лонгверда – Штара, была в неделе от апогея на орбите его родной планеты.

– Хорошо, я понял тебя.

– Ты... отправишь донесение в новый блок?

– Но у меня ведь есть еще немного времени?

– Совсем немного, Кастор, – сказал Джозеф и сделал разминающие движения плечами.

«Такой сомневаться не будет, – подумал Лонгверд. – Но где же пистолет?»

– Да, на случай, если ты будешь искать пистолет, он на прежнем месте, только я его обезвредил.

– Правда?

– Да. Я вытащил боек и сбросил его в слив...

– Пистолет мне пока не нужен, Джозеф, но за информацию спасибо.

Лонгверд поднялся и одернул пиджак, словно это был украшенный серебристыми аксельбантами китель.

Джозеф поднялся тоже и тем же движением одернул свой пиджак. Если все получится, ему светит «Прекрасный букет» четвертой степени. А может, даже и третьей. Эх, вот где перспективы! От них у лейтенанта Рюэ захватывало дух.

– Аппаратура готова?

– Готова. Извольте, господин капитан, – сказал Джозеф, указывая рукой на дверь в коридор.

– Спасибо, Джозеф.

Лейтенант открыл дверь, капитан прошел мимо, ничуть не боясь нападения, – ведь он сейчас был носителем ценной информации.

Да, его можно было оглушить, накачать спинротами и снять всю мозговую деятельность, но Джозеф был не из тех яйцеголовых, кто мог разобраться с этой информацией, к тому же поток часто давал совершенно не трактуемые данные.

Одним словом, нападения Лонгверд не ждал.

В коридоре, как и на лестнице, воняло мышами. Это была заученная человеческая трактовка, сам же Лонгверд воспринимал этот запах иначе и мышей видел лишь во время обучающего курса по внедрению.

– Здесь в коридоре всегда чем-то воняет, – сказал Джозеф.

– Я думал, ты невосприимчив к человеческим привычкам.

– К человеческим?

– Ну да, ассоциации, связанные с запахами, – человеческий признак. Нороздулы воспринимают запахи нейтрально, ни с чем их не сравнивая и не отождествляя.

– Нет, совсем нет! Просто я...

– Ладно, не переживай, я всего лишь поддел тебя. Будем считать это шуткой.

– Будем.

Они вошли в комнату, где Джозеф развернул аппаратуру. Он отвечал за материальную часть, и это и было его основной задачей как офицера САПО, однако со временем он решил, что достоин большего и может вмешиваться в работу агентов.

Это стало заметно после захвата власти гризоттами, Лонгверд определил эту перемену еще пару встреч назад.

Возможно, Джозеф действительно был помешан на мести муглам, а может, его интересовала только карьера, ведь пока он был только техническим курьером, ну, может быть, еще и надсмотрщиком, сообщавшим начальству «неофициальную информацию», чтобы оно могло ориентироваться не только по приглаженным донесениям агентов.

Смысл в таком поведении, конечно, был, ведь докажи Джозеф чью-то измену или хотя бы несколько примеров халтурной работы агентов, и он мог получить назначение резидентом. А это другое жалованье, другое звание, да вообще все другое.

Помимо своей основной деятельности Джозеф, без сомнения, был законсервированным чистильщиком. Лонгверд догадывался, что лейтенант прошел глубокую подготовку штатного убийцы.

В том или ином объеме ее проходили все агенты, но некоторые, кто не мог похвастаться другими талантами, обучались на чистильщиков, бессловесных убийц, которыми, кстати, и жертвовали без раздумий.

Ну и какой смысл в этой принципиальной глупости? Может, не стоит с ним спорить, пусть донесение уйдет к новому блоку, то есть гризоттам, ведь в любом случае они получают его, даже если перед этим его прочтет генерал Феррой. Говорили, будто он удержался на своем посту, и это походило на правду, ведь Феррой был умней всех гризоттов, вместе взятых.

Аппаратура была уже включена и прогрета. В ее комплекте не имелось ничего особенного, большая часть блоков выписывалась в магазинах глобалнета, однако пара узлов, отвечавших за гиперволновую связь, была доставлена из Метрополии, поскольку людям принципы ее работы были неизвестны.

– Присаживайся, – сказал Джозеф, указывая на синий пластиковый стул, который выглядел слишком новым для этого помещения.

– Спасибо, камрад, но я лучше здесь, – ответил Лонгверд, присаживаясь на пустой ящик.

– Как знаешь.

Джозеф стал настраивать аппаратуру, внимательно следя за показаниями приборов.

– Ну вот, центр связи определился... Ты можешь читать...

– Я не буду читать, Джозеф, я наговорю терциями. Будь

добр, покинь помещение.

– Я не могу, Кастор. Уходить из помещения передачи мне запрещает инструкция, но я пересяду к двери.

Дождавшись, когда Джозеф пересядет, Лонгверд произнес пару обычных слов, настраивая приемник.

– Бабушка козлика... Без труда из пруда... Как будто все в порядке, а, Джозеф?

– Смотри на показания датчиков, я отсюда вижу, что все в порядке.

– Ну и ладно, начинаем.

Лонгверд чуть прикрыл глаза и заговорил на триггере, спрессованном многоинформативном языке, воспроизвести который не мог никто, кроме тех, кто знал шифр на другом конце связи. Однако адресата он пока не называл, это делалось в конце передачи.

Джозеф сидел, сжав руками колени и чуть подавшись вперед, пытаясь проникнуть в скрытый смысл донесения Лонгверда.

Иногда ему казалось, что он начинал что-то понимать, даже составлял логическую линию передачи, но потом все опять обрушивалось – не зная ключа триггера, строить предположения было бессмысленно.

Между тем Лонгверд скороговоркой наговаривал донесение. Его память работала безупречно, выстраивая длинные колонки цифр, помечая особые случаи и выискивая нелогичные сочленения данных. После такой работы компьюте-

ру ничего не оставалось, как тупо положить в архив готовый для отчета файл.

Составление донесения заняло минут пятнадцать, затем Лонгверд открыл глаза и посмотрел на Джозефа – тот понял, что сейчас будет продиктована адресация.

Прошла секунда, другая, а потом Лонгверд открытым текстом назвал Первый блок, чтобы у Джозефа не оставалось никаких иллюзий.

Файл ушел. Джозеф поднялся, Лонгверд поднялся тоже.

– Ну и зачем ты это сделал?

– Я гризоттам не присягал, – повторил Лонгверд. Он с самого начала не собирался отправлять донесения новым хозяевам, да и кто знает, не скинут ли их к тому времени, когда до здешних мест дойдут новые вести из Метрополии?

– Ты не присягал, я не присягал, но рано или поздно нужно делать свой выбор, Кастор...

Джозеф снова сделал это неконтролируемое движение плечами, готовясь к схватке. Он знал, что Лонгверд просто так не сдастся, но чувствовал за собой преимущество.

Они стали ходить по кругу на небольшом пространстве бетонного пола, освещенного тусклыми лампочками.

По мосту снова проехал грузовик, уже другой, чуть полегче. Джозеф все поводил плечами, глядя в переносицу Лонгверду, но нападать не решался, что-то позволяло его противнику чувствовать себя уверенно.

– На что ты надеешься, Кастор?

– На свою информированность, Джозеф.

– Я не понял тебя...

– Я знаю.

Джозеф сделал ложный замах, но Лонгверд даже не среагировал. На его губах застыла полуулыбка, а может, Джозефу это только показалось.

– Сегодня я выйду победителем и скоро стану капитаном.

– Ради этого ты признал гризоттов?

– Да, я продумываю дальше тебя...

Лонгверд щелкнул пальцами, и в ушах Джозефа зазвенело – противник отвлек его разговором и ударил звуковой волной. Сама по себе она была не страшна, пока не сопровождалась мысленным посылом.

– Малоэффективно, Кастор, но мне понравилось. Это было красиво, даже изящно...

Лонгверд не ответил, закрывшись непроницаемой стеной отстраненности. Сегодня у него все получалось.

– Так в чем же сила твоей информированности, Кастор?

Лонгверд не ответил, и Джозеф ударил первым.

Удар пришелся в раскрытые ладони, и ничего не произошло. Тогда Джозеф ударил еще, добавив вдвое больше силы, но все еще дозируя удар. Лицо Лонгверда не изменилось, но из лопнувшего по швам пиджака полетела подкладка.

– Ты ведь в любом случае собирался избавиться от старины Кастора, правда, Джозеф? – ухмыльнулся Лонгверд, расслабляя противника.

– С чего ты взял?

– Но ведь как-то ты собирался оправдать убийство агента САПО?

– Не агента, а предателя. Лояльному гризоттам офицеру ничего не угрожало.

И тут ударил Лонгверд. Джозеф парировал, но почувствовал легкое головокружение. Кастор был не так прост. Что там он говорил про информированность?

Джозеф контратаковал, проведя серию ударов, но все они пришлись в ладони Лонгверда, и подкладка его пиджака брызнула волокнами, словно вспоротая перина.

– Не бережешь ты одежду, Кастор. Хороший пиджак, кстати. У Бронстона покупал, на Каунди-стрит?

В этот момент Лонгверд атаковал сам, обрушив на Джозефа целый шквал быстрых ударов. Они были не слишком сильными, и Джозеф достаточно легко их переносил, но он не догадывался, что Лонгверд лишь сокращает дистанцию. Еще мгновение, и они схватились – Лонгверд с решимостью, Джозеф с удивлением.

Как легкий Кастор решился на ближний бой? На дистанции у него были какие-то шансы, но в схватке грубой силы он проигрывал начисто. Должен был проиграть.

Джозеф начал смыкать свои мощные объятия, надеясь с ходу раздавить дерзкого, но ему это не удалось. Кастор выдержал первый натиск, а затем сам так сомкнул руки, что у Джозефа затрещал подкожный панцирь.

Удавка стягивалась все сильнее, и Кастор не дышал, чтобы не потерять концентрацию, еще раз, еще, еще... Раздался треск, и тело Джозефа обмякло, Кастор разомкнул руки, и противник рухнул на пол.

Какое-то время он еще оставался жив, уставив на Кастора тускнеющий взгляд.

– В чем была... твоя информи... рованность? – сумел произнести Джозеф, хотя далось ему это трудно.

– Сегодня моя луна выше твоей, Джозеф, нужно читать чужие досье.

Со стороны городского парка дул ветер, принося ароматы цветов. Люди вдыхали их все разом, и редко кто мог выделить в этом букете какой-то отдельный источник, а Лонгверд мог. Он не только выделял, он сразу видел, сколько присутствует ароматов и каких. И хотя цветочные ароматы не будили в нем никаких позитивных ассоциаций, он привычно их обонял и классифицировал, чтобы, если что, применить эту информацию в общении с людьми.

Луговые цветы, кустарник, сережки на деревьях, мокрый асфальт и машинное масло. Маслом пахло от куртки, которую он вынужден был надеть вместо испорченного пиджака с Каунди-стрит, тут Джозеф не ошибся.

От его тела пришлось избавиться, а аппаратуру Лонгверд перепрятал в собственный тайник. Настроить ее без Джозефа будет трудно – тот знал некоторые тонкости настройки по спектральным аномалиям, но когда-то Лонгверд обходился совсем без связиста и ничего, как-то справлялся.

Правда, тогда ретранслятор находился недалеко – на одном из стабильных астероидов. Позже люди научились их засекать, и пришлось переходить на аппаратуру дальнего боя, и тогда потребовались специалисты вроде лейтенанта Рюэ.

«Ничего, разберемся», – успокоил себя Лонгверд и вздохнул.

Этому приему – уговаривать себя, успокаивать, а иногда и оправдывать – он тоже научился у людей. Поначалу ему казалось это недостойно нороздула, но прием действовал, и Лонгверд взял его на вооружение.

Почувствовав запах кошки, Лонгверд сбавил шаг. Эти твари определяли нороздулов безошибочно. Но, к счастью, кошки не любили также и людей со сходной с нороздулами внутренней организацией. Это давало возможность Лонгверду избегать подозрений со стороны сослуживцев.

«Ха-ха, смотри, эта тварь шипит на тебя! Тебя что, кошки не любят?»

«Эта уж точно! Мой сосед собаку держит, весь подъезд псиной провонял...»

«Значит, она тебя за пса принимает. Вот дура!»

– Дура, – произнес вслух Лонгверд, заметив в темноте горящий ненавистью кошачий взгляд. И снова шипение, и кошка порскнула куда-то между домами.

Будь люди повнимательнее, они бы вывели всех нороздулов на чистую воду.

В припаркованной машине целовалась парочка влюбленных. Лонгверд прошел мимо, отметив, что этот парень девушке, скорее всего, не нравится. И вспомнил миссис Маннесманн: красивая молодая женщина, богатый муж, что еще нужно?

Если бы не встреча с Джозефом, он бы наверняка поехал к ней в отель – просто из любопытства. Сначала секс, такой

обычный для людей, иногда даже применяемый как метод знакомства, а потом разговор по душам, «за жизнь», как принято у них говорить.

Лонгверд продолжал изучать психологию людей, а такие личности, как миссис Маннесманн, давали богатый материал.

И снова кошка! Даже две! Они появились посреди улицы, словно выброшенные кем-то из окна. Лонгверд даже остановился, а кошки, выгнув спины, продемонстрировали ему свое отношение и умчались в сторону мусорных баков.

«Слишком много кошек за один вечер», – подумал он и огляделся.

Слабо освещенные окна, сырой асфальт, редкие машины у обочин.

Предчувствие или только кажется?

Лоренс поднялся с заднего сиденья и посмотрел вслед уходящему прохожему в рабочей куртке. Потом толкнул напарника в плечо.

– Все, приятель, оторвись от нее, он уже прошел...

Напарник оттолкнул манекен и брезгливо сплюнул в окно волос от искусственного парика.

Этот манекен звали Лиззи, и возили его на всякий случай, поскольку издали Лиззи выглядела, как настоящая женщина. При виде женщин мужчины расслаблялись, особенно при виде блондинок, а Лиззи была блондинкой.

– Внимание, Марш, я Фиалка, объект проследовал, внимание обратил. То есть – объект вменяем.

– Обойдемся без твоих заключений, Лоренс, – резко ответил майор.

– Да, сэр.

– Вот и заткнись.

– Да, сэр, – повторил Лоренс и выключил рацию.

– Ну и чего ты нарываешься? – спросил повернувшийся Брайт.

– Я не специально, само получилось.

– Он скинул твою премию в прошлом месяце, скинет и в этом, – сказал Брайт и снова сплюнул в окно.

– Ты снова целовал ее с языком? – поддел его Лоренс и

захихикал.

– Ой-ой, какие мы остроумные.

– Не шурши, его вроде брать собираются.

– С чего ты взял?

– Ну кошек-то из окна выбросили – прямо из кафе.

– Не согласен с тобой, коллега. Кто его брать будет, если он опасен, как зверь? Таких надо электрошоком гасить, а уже потом пеленать.

– Полковник Фельц притащил какого-то специалиста.

– Какого специалиста?

– По виду – терминатор.

– Думаешь, он гасить будет?

– Не знаю. Но по мне так лучше электрошокером.

– А ты видел, какие дырки остаются от боевого электрошокера? Все же одиннадцать тысяч вольт.

– Я не доктор. У меня другие функции.

Тем временем в припаркованном на той же улице автофургоне внимательно следили за создавшейся ситуацией.

Пять человек сидели в отсеке связи и слежения, еще двое, спрятавшись за машиной, охраняли фургон от внешних угроз. Как-никак в нем находился один из замов начальника контрразведки.

– Фиалка передала объект Ромашке, сэр, – доложил полковнику майор.

– И что вы думаете делать дальше?

– Здесь пустынный квартал, сэр, все ходы-выходы нами

перекрыты, если брать – только здесь. Когда выберется на Гранде-Сити, уйдет с концами.

– Что скажете вы, капитан?

Сидевший в углу офицер из оперативного отдела дернул головой, пригладил коротко стриженные волосы и сказал:

– Возьмем электрошокером, сэр, тогда он останется цел.

– Но это нороздул.

– Знаю, сэр, мы брали и нороздулов, и прочих тварей. Захват пройдет штатно.

– Ну, раз так, идите на улицу и лично проконтролируйте операцию. Вам передаются все полномочия.

Капитан снова пригладил волосы и вышел вон.

– Этого не может быть... Этого не может быть... Мы работали с ним семь лет! Семь лет, сэр!.. – начал причитать капитан – сослуживец Кастора Лонгверда. – Мы же с ним через столько прошли, сэр!

– Перестаньте ныть, капитан Фоссум, вы проворонили врага. И относительно вас, а также вашего начальства, будет проведено самое подробное расследование с соответствующими выводами.

Капитан закрыл лицо руками и затих, а полковник повернулся к сидевшему у двери огромному спецназовцу и сказал:

– Лейтенант Карно, будьте добры, подстрахуйте местных специалистов. Я даю вам все необходимые полномочия.

– Но, сэр, – возразил майор, – Восбрехту не нужны помощники! До сих пор он сам прекрасно справлялся! И по-

том, вы уже дали капитану все полномочия!

– Дал, – легко согласился полковник. – А лейтенанту дал чуть позже и чуть больше полномочий, к тому же он не станет мешать вашему капитану, он лишь подчистит дерьмо, которое из-под него вывалится. Действуйте, лейтенант.

– Слушаюсь, сэр.

Все стало ясно, когда спереди из подворотни вышли двое мужчин в просторных плащах, а чуть дальше, у самого выхода на освещенную Гранд-Сити, из машины выбрался еще один в похожем плаще и, открыв багажник, сделал вид, что занят делом.

«Вот и все», – подумал Лонгверд, невольно перебирая варианты, где и как его могли вычислить. Впрочем, теперь что-то перебирать было глупо, его могли вести полгода и даже больше, зацепив на какой-нибудь рядовой проверке.

Таких проверок на каждого сотрудника приходилось по десятку в год, и обычно они заканчивались ничем. Но не в этот раз.

У них была возможность понаблюдать за ним еще, собрать побольше сведений, но, видимо, сроки поджимали. Он добывал информацию о походе на Монсаль, а они узнали об этом и теперь хотели срочно получить ответы на свои вопросы. Но нет, господа, у Кастора Лонгверда совершенно иные планы.

Он метнулся в подворотню, понимая, что его ждут, однако они не ждали того, что он им приготовил. В конце концов, это его луна без пяти суток в апогее, а не их, и вообще, есть ли у них понятие своей луны? Лонгверд об этом даже не слышал.

Наперерез ему бросились двое оперативников. Крепкие ребята, кулаки, как чугунные болванки, но «бум-хрясь!» – и они полетели на мостовую, едва не разорванные пополам. А Лонгверд понесся дальше, чувствуя, как силы в нем прибавляются, ведь его луна с каждой минутой поднималась все выше.

Во дворе он увидел троих – контрразведка легко не отпускала. Первый бросился ему под ноги, но знал бы он, как медлителен в глазах нороздула под высокой луной. Лонгверд на лету сломал ему каблуком ключицу и помчался дальше.

Щелкнул выстрел – слишком поздно! Пуля прошла в метре позади него, а Лонгверд, прыгнув влево, вышиб из-за дерева стрелка. Один удар, и столько крови! У них она красная, а у нороздулов почти коричневая.

Казалось бы, любая медпроверка могла стать для него провалом, но имелись специальные препараты, которые агенты-нороздулы принимали раз в неделю или перед походом к врачу. И тогда их анализы ничем не отличались от человеческих. Ну, почти ничем.

Третьего Лонгверд просто снес, как грузовик собачонку, и, перемахнув через низенький забор, помчался дальше, к наводненным людьми улицам, где скрыться было намного проще.

Теперь уже никто не мог остановить его, кроме, разве что...

Глянув вправо, Лонгверд заметил бегущего человека – тот

двигался параллельно ему, так же легко переносясь через заборы и перепрыгивая через мусорные баки.

«Кто это?» – спросил себя Лонгверд, не решаясь ответить. Он не понимал, он скорее догадывался. Этого охотника-одиночку можно было принять за умную машину. Увешанный оружием и оснасткой, он двигался с завидной экономичностью и не вертел головой, боясь потерять цель, потому что знал – Лонгверд прорывается в толпу.

«Так вот ты какой, человек-волк...» – подумал Лонгверд, чувствуя необъяснимое волнение. Он столько слышал про этих людей, он столько из них сдал с адресами и новыми легендами. Часто он вглядывался в их лица на фото, пытаясь отыскать нечто особенное, что отличало их от остальных муглов, но видел только усталость и разочарование. Они не были похожи на хищников, они не были похожи на тех, кто бросал вызов нороздулам-акинакам, однако этот выглядел иначе.

В движении, в легком стремительном беге он смотрелся красиво, и Лонгверд не сдерживал своего восхищения сильным врагом! Он даже знал, когда человек-волк атакует его – уже в следующем дворе, ведь за ним была Гранд-Сити.

«Сэр... кажется, ваш лейтенант... не собирается брать его живым!»

«Кто это?!»

«Лемье, сэр... Мы преследуем, вернее, пытаемся держаться на хвосте... Но объект несется, как лошадь!.. И лейтенант

– тоже!...»

«Где капитан?»

«Уфф... Он ранен, сэр... Объект его едва не уничтожил... Уфф...»

Несколько оперативников мчались за Лонгвердом, не жалея сил, ведь это был настоящий позор для службы, когда объект уходил, прорвав заслоны и их дубли. Такого с ними никогда не случалось, и оперативники неслись по дворам так быстро, как никогда не бегали.

Но ни о чем этом Лонгверд не знал, он готовился к схватке с человеком-волком, в руке которого уже был черный нож со сверкающей кромкой.

«А пушка? Где же его пушка?» – подумал Лонгверд, отмечая, что до места их встречи осталось метров двести пятьдесят. Они уже сближались – человек-волк теперь бежал наискосок, чтобы пересечься с Лонгвердом.

В какой-то момент у того появилась мысль попытаться выложиться по полной и унести прочь, ведь его луна была сегодня очень высока, но по тому, как легко, без напряжения и с какой-то механической рациональностью человек-волк преследовал его, было ясно – от него не уйти.

Момент истины неизбежно приближался, и в унижительной маскировке смысла больше не было. Лонгверд чувствовал, как удлинились его члены, как заострились когти, забыв про недавний маникюр. Он снова почувствовал тяжесть нижней челюсти и остроту клыков, один удар его когтей мог

стать смертельным для зарвавшегося мугла.

Лонгверд метнулся к детской площадке, чтобы там, среди горок, песочниц и качелей, усложнить человеку-волку задачу, однако тот неожиданно выскочил из-за вентиляционной шахты, словно его выстрелили катапультой.

Мощная пятерня с острыми когтями взвилась в воздух, чтобы распотрошить мугла, но сверкнула вспышка, и жаркий, тягучий свинец врезался в крепкий череп нороздула, заставив поплыть его сознание и потерять концентрацию. А потом два удара наискось, колющий с поворотом и снизу вверх с максимальным рассечением.

Дело было сделано, и лейтенант отошел в сторону, убрав клинок в ножны. Затем открыл затвор обреза, достал гильзу и спрятал в карман, а на ее место вложил новый патрон.

Хрипя и хватая ртом воздух, с красными лицами, подбежали оперативники. Сначала Лемье с еще одним бойцом, а секунд через десять еще четверо.

Зашелестела рация, и Лемье, прерываясь, стал докладывать о ситуации.

Карно посмотрел на «носорога». Возможно, здесь ему хватило бы и меньшего, однако сработал навык. А нороздул был в хорошей форме, лейтенант это видел.

Заметив, что поверженный враг еще жив и пытается что-то сказать, Карно подошел к нему и присел рядом.

– Как? – прошелестел тот. – Как тебе... это удалось?

– Очень просто, – также шепотом ответил лейтенант. –

Сегодня моя луна выше твоей.

С тех пор, как гризотты пришли к власти, заседания Военного Совета стали проводится формальнее. К восьми постоянным членам прибавился надзиратель – Бон Сквош, который назывался полномочным представителем власти, но на самом деле только сменил гризоттского генерала Тума-Трема, который, в свою очередь, еще недавно бил мозолистым кулачищем по столу и угрожал повесить весь состав Совета за недостаточную преданность традициям.

Собственно, при Тума-Треме никаких проблем Совет не обсуждал, лишь заслушивал очередную порцию угроз и расходился. Так продолжалось, пока гризотты не поняли, что перегибают палку и парализуют деятельность армии и флота Метрополии. Последовало несколько постановлений нового правительства, и скандального гризотта сменил тихий, но столь же опасный Бон Сквош, который родился и вырос в среде гризоттов и именно их считал своим народом, а не фризонталов, к которым принадлежал.

Пара заседаний прошли, что называлось – «на пробу». Сквош тихо сидел на своем месте и мелко вписывал в блокнот триггеры. Понемногу члены Совета осмелели и начали работать в полную силу.

Добыча стратегического сырья, производство белков по новой технологии, бунт муглов-сафаров на Цинданском пла-

нетном узле и новые программы обучения. Эти и многие другие проблемы так долго ждали своего решения, что вынудили гризоттов пойти на уступки, ведь посланный на усмирение сафаров флот был уничтожен мятежниками из засад, где-то в астероидных облаках Циндана.

В самый разгар обсуждения проблем стратегического сырья, источники которого на астероидных поясах уже иссякали, в полумраке сводчатого зала появился офицер для специальных донесений.

Он имел майорскую должность и полномочия прерывать заседания в случае чрезвычайных известий.

Майор был фризонталом, что являлось редкостью даже среди штабных офицеров. Остановившись в пяти шагах от стола, он стал ждать удобного случая, чтобы вклиниться со своим сообщением. Да, он имел право перебить на полуслове любого из докладчиков, но считал это для себя невозможным.

– Мы исчерпали запас сырья в астероидных поясах четырнадцати планет, – докладывал начальник всей военно-геологической промышленности, генерал-министр Гоу Гвал. – Общий вес добытого материала – четыреста триллиоквандов.

– Страшная цифра, – покачала головой генерал-министр здоровья и благосостояния. – Я от себя добавлю, что на четырех планетах из этих четырнадцати, в связи с потерей внешних уравнивающих масс, воды с поверхности уходят в

грунт, затопляя жилые подземные полости. Населению совершенно негде жить, и некоторые отчаявшиеся уже думают о строительстве жилищ на поверхности.

– Этого нельзя допускать ни в коем случае! – махнул когтистой лапой генерал-министр гражданской обороны Отто Броу. – Если наши дома будут находиться на поверхности, он станут уязвимы для бомбардировки врага.

– Прошу прощения, уважаемый коллега, но если так складываются обстоятельства, давайте жить на поверхности, живут же на поверхности различные породы муглов, – заметил генерал-директор САПО Торо Фага, самый молодой из всех нороздулов Совета.

– Ха-ха, два раза, как говорит нынешняя молодежь, – ухмыльнулся генерал Отто Броу и щелкнул клыками. – Муглы – варвары, они живут на поверхности лишь потому, что не имеют технологий, чтобы зарыться поглубже! Дайте им турборойные машины, и они тоже уйдут на глубину! Оттого-то они и муглы, оттого и не могут противостоять нам, что живут на поверхности и получают слишком много лучистой энергии. А это делает их медлительными и ленивыми.

– Но люди-муглы сумели избавиться от власти Метрополии, – осторожно заметил Торо Фага и покосился на надзирателя – Бона Сквоша, который продолжал что-то писать в блокноте и никак не отреагировал на заявление генерал-директора.

– Людей-муглов мы скоро загоним в клетки. Это лишь во-

прос времени.

Бон Сквош перестал писать и посмотрел на генерала-министра.

– Ну, то есть я хотел сказать, мы их всех уничтожим. Всем, кто поднял руку на власть Метрополии.

Бон Сквош кивнул и вернулся к своему блокноту.

Офицер для особых сообщений нервно повел головой, сомкнул и разомкнул когтистые лапы. Он должен был – обязан был перебить членов Совета для важного сообщения, но все еще не решался.

– Так что же делать с добычей стратегического сырья, господа? – напомнил Гоу Гвал.

– А что можете предложить вы сами, коллега? – спросил генерал-министр военного строительства Оло Реглан, который сегодня был председателем.

– Есть один вариант, мы можем буксировать астероиды с Аризонского трикуба. Это, конечно, дороже, чем добывать в ближних астероидных поясах, зато безопаснее – не будет потеря внешних масс, а со временем пустая порода выравнивает внешнюю массу и гравитационный баланс восстановится.

– Хорошее предложение, так мы одним выстрелом, как говорится, убьем двух мурдоров. Получим источник сырья и одновременно восстановим гравитационный баланс. Вот только буксировочный флот...

– А что буксировочный флот? – сразу вскинулся генерал-министр гражданского флота О'Васу. – Чуть что, сразу буксировочный флот! А у нас на протяжении двух периодов сокращенное финансирование!..

– Будет вам финансирование, вы, главное, закажите нуж-

ные буксиры, чтобы не было, как на Броне пятьдесят лет назад, когда притащили на разделку астероид, не смогли удержать, и он рухнул на планету.

– Вот-вот! – воскликнул генерал-министр гражданской обороны, грозя кому-то крючковатым пальцем. – На поверхности жить опасно, мы не муглы какие-нибудь!..

– Спасибо, коллеги, – кивнул Оло Реглан. Он был большой любитель пообсуждать, но место председателя, занимаемое им сегодня, заставляло его быть хладнокровнее.

– Какие же выводы мы сделаем из этого обсуждения, господин председатель? – спросил генерал-директор САПО, которому надоела пустая болтовня.

– Выводы следующие, всем заинтересованным сторонам – геологии, здравоохранению, флоту и... кого я еще не назвал?

– Министерство общего руководства, – поднял руку самый высокий по росту из генерал-министров – Блоу Блок, про которого поговаривали, что он не настоящий нороздул, а результат секретной генетической программы.

– Хорошо, коллега, вы тоже. Пусть все отправят свои данные на информационный узел министерства военных расчетов, специалисты которого проведут нужные вычисления, сколько чего и куда переместить, чтобы вода вернулась наверх и чтобы буксиры не роняли астероиды на планеты. Далее...

Председатель говорил и говорил, чувствуя, что говорит много лишнего, однако ничего поделать с собой не мог, по-

сколько сидеть на председательском кресле ему нравилось. Членов Совета было не так много, и очередь председательствовать приходила быстро, но один раз он болел, а в другой была командировка, поэтому хотелось продлить эти минуты славы, притом что все его внимательно слушали, а будь он в обычном кресле, давно бы уже заткнули. Тот же грубиян геолог заткнул бы первым.

Подводя итоги заседания, Оло Реглан только сейчас заметил стоявшего в полумраке офицера для особых сообщений. Тот стоял сам не свой, робея перед высоким собранием.

В другой раз Оло Реглан наорал бы на него, но сегодня он был председателем и решил лишь снисходительно приободрить смущенного майора, однако не успел. Входная дверь с треском распахнулась, и на пороге возник силуэт гризотта в тусклом, лишенном аксельбантов мундире.

– Что-х-х-х, застыл, как истукан-д-д?! – проорал гризотт и ударил майора когтями, отбросив его к стене. – Ты послан с заданием или кто-б-б? Почему не докладываешь-н-н? А-б-б?!

У гризоттов имелся второй язык, который располагался под основным, поэтому, когда они волновались, то вынуждены были смыкать горловые мышцы, чтобы не получилась непонятная для других тарабарщина. Но некоторые лишние звуки в конце фраз все же проскакивали.

Между собой эти монстры разговаривали, пользуясь обоими языками, отчего их речь была похожа на трель или бара-

банную дробь, но благодаря этому они передавали информацию втрое быстрее, чем любые другие народы Метрополии.

Появление гризоттов всегда действовало на публику угнетающе, будь то муглы-савояры или закаленные в боях нороздулы.

Гризотты всегда пугали, но когда они врывались вот так неожиданно и начинали орать, это было страшно вдвойне.

– Его послали со срочным заданием-с-с-с! Судьба Метрополии висит на волоске, а он тут мелет-коу-коу!

Гризотт сделал шаг к несчастному майору, и все напряглись, полагая, что сейчас гризотт добьет его своей страшной лапой, но поняв, чего от него ждут, гризотт остановился, перевел дух, успокаиваясь, а потом повернулся к столу заседаний и крикнул:

– Стул мне!

Председатель вскочил со своего места и метнулся к стене позади себя, где стоял специальный стул для гризоттов, больше похожий на платформу для показа диких зверей. Само место для сидения было сделано из твердых пород дерева и покрыто глубокими рубцами от когтей, поскольку гризотты любили загонять во что-нибудь когти верхних и нижних лап.

Они носили странную обувь, которая скрывала только ступни, в то время как когти были выпущены наружу, чтобы не скользить при ходьбе и в случае необходимости пускать

в ход еще десяток ножей.

В другой раз Оло Реглану понадобилась бы чья-нибудь помощь, чтобы дотащить стул. В другой раз, но не в этот. Грохнув его возле стола, он оттолкнул председательское кресло и поставил гризоттскую платформу точно посередине.

В воздухе мелькнули синий мундир гризотта и позолоченная рукоять кортика, а потом он с грохотом приземлился на платформу всеми четырьмя лапами. Гризотт развернулся и, покосившись на председателя, буркнул:

– Благодарю-ыс-ыс...

Но желая показать нороздулам, что в чем-то они похожи, гризотт положил лапы на стол и пошевелил пальцами, на внешней стороне которых имелись набитые мозоли – при каттингах гризотты передвигались на нижних конечностях, но у себя дома или в горячке боя им было удобнее скакать на всех четырех.

– Бан андер-Бан, – представился гризотт, однако все его уже узнали. Он курировал спецслужбы Метрополии, претендуя на глобальный охват всей деятельности САПО. Для этого был организован так называемый новый блок, параллельное бюро, отвечавшее за внешнюю разведку. С момента появления нового блока все спецслужбы стали проводить переписку с агентами только через его каналы. Все, кроме САПО, которое пока не трогали.

Лишь агенты, считавшие нужным продемонстрировать новой власти свою лояльность, добровольно посылали сооб-

щения через «новый блок», однако старая гвардия упрямо общалась только со «старым блоком».

Вместе с тем генерал-директор САПО понимал, что немалая часть его «старого блока» уже сотрудничает с новой властью, чтобы если не сделать карьеру, так хотя бы уцелеть в многочисленных чистках, которыми гризотты сильно злоупотребляли.

Чтобы успокоиться, Бан андер-Бан поиграл ручкой кортика и посмотрел туда, где из полумрака поднимался раненый майор.

– Пусть уйдет-бр-бр... – негромко произнес он.

– Эвакуируйте его, пожалуйста... – дрогнувшим голосом попросил председатель, и кто-то из генерал-министров сейчас же вскочил и, проводив майора до двери, выпустил в приемную. Потом вернулся на место и замер.

Воцарилась тишина, никто не решался проронить ни звука. Все ждали, что скажет гризотт, а он все никак не мог начать, боясь выйти из себя и устроить побоище.

Он и понятия не имел, во что ввязывался, когда давал согласие на участие в экспедиции. Он думал, что будут бои, жаркие схватки, почет и слава! А оказалось, что младшие родственники почти не оказали сопротивления и не слишком многочисленный корпус гризоттов легко смял все части прикрывавшие правительственные учреждения. А потом началось самое трудное – говорить с нороздулами и этими недонороздулами – фризонталами. Говорить с ними, слушать их. А как их слушать, этих бестолковых, если они какие-то мямли?! Вареные нуркоки, а не солдаты!

Ну и, случалось, гризотты пускали в ход свои лапы, а это почти всегда заканчивалось для провинившихся плохо.

Бан андер-Бан даже завидовал тем из гризоттов, которые попадали в карательные отряды, им приходилось заниматься вполне определенной работой. Никаких сю-сю, трах по башке, и готово! А здесь ежедневный балет, от которого Бан андер-Бан быстро уставал. И это при том, что участников экспедиции тщательно отбирали по показаниям эмоциональной устойчивости. А если бы брали всех подряд?

«Давно бы все закончили и поехали домой», – подумал Бан андер-Бан и вздохнул.

– Я... почему... снес этого майора... – сказал он и, почувствовав, что произносит слова вполне отчетливо, окончательно успокоился. – Потому что еще двадцать минут назад ему было поручено сообщить вам, что появились новые... угрожающие Метрополии... факторы.

– Факторы, я правильно произношу? – уточнил он у председателя, угнездившегося на углу стола.

– Так точно, сэр. Факторы.

– Пришли сведения от агентов, которые несут службу среди самых коварных из муглов – муглов-людей. Им, этим муглам, стало известно о накоплении войск на промежуточных базах, и, судя по всему, они решили эти базы уничтожить превентивным ударом. Превентивным, я правильно сказал?

– Так точно, сэр. Превентивным.

– И вот он пришел, этот майор... И стоит, млеет... А муглы-люди тем временем готовятся к удару по нашим базам! Превентивному!.. Почему это никому не нужно, кроме гри-

зоттов?! А? Кто ответит на этот вопрос?

– Разрешите мне, сэр? – поднял руку директор-министр САПО.

– Сделайте милость-хр-хр...

– Сэр, до того, как произошла недавняя смена власти, у нас реализовывалась большая программа подготовки к войне с муглами-людьми. Были подготовлены внедренные силы, промежуточные базы, началась переброска техники и личного состава.

– Значит, вы хотите обвинить гризоттов в том, что сами не сумели вовремя провести необходимые действия-пт-пт? – утробно пророкотал Бан андер-Бан, и его тон не предвещал ничего хорошего. Даже посмеивающийся прежде Сквош замер, ожидая возможной расправы.

– Нет, сэр, я хочу сказать, что, если продолжить эту программу, можно многое наверстать. По крайней мере, не нужно будет начинать с пустого места.

Бан андер-Бан понимал, что директор-министр САПО ему немного хамил. В пределах правил, конечно, и в пределах устава, но хамил, однако он говорил дело, и просто порвать его на куски было бы глупо. Где потом брать такого же подготовленного нороздула? А гризотты больше умеют когтями работать, чем головой, хотя она у них значительно больше, чем у каттингов.

– Хорошо, мы начнем восстанавливать программу в ускоренном темпе – пусть в бюро «нового блока» передадут всю

информацию по этой программе.

– Слушаюсь, сэр.

– А пока нужно немедленно начать действовать. Усилить все базы, слышите, все базы посекторных направлений! Если муглы-люди действительно решились на упреждающий удар, их силы должны быть перехвачены еще на подступах к планетным и космическим базам и рассеяны. Кто у нас представляет флот?

– Адмирал-министр Волен Бай, ваше превосходительство, – подсказал председатель. – Но он отсутствует, поскольку выехал принимать новые корабли, мы получаем четыреста бортов, которые планировалось отправить на войну с муглами-людьми.

– Если планировалось, значит, отправим. Новые корабли – это хорошо. Пусть сегодня же Волен Бай свяжется со мной и представит предварительные планы сдерживания муглов-людей на дальних подступах к базам. Пока за подготовкой прослежу я, впоследствии этим будет заниматься Алвин андер-Алвин, представитель верховной власти при генеральном штабе Метрополии. Теперь по армии. Кто здесь от армии?

– Генерал-министр Вон Фабр! – представился поднимающийся чиновник.

– Вон Фабр, вам нужно представить в генштаб график переброски войск на базы. Из того, что я знаю о муглах-людях, следует, что в ближайшее время там потребуется значитель-

ное усиление.

– Базы находятся достаточно далеко от центральных районов Метрополии, сэр. Потребуются десантные суда дальнего радиуса действия. А они у нас в дефиците.

– Вот и подайте ваши требования, а мы разберемся.

Военный транспорт «Бра-Дуэто» был одним из двух тысяч судов старой серии «чингун», которым пока доверяли ходить на средние дистанции. Тридцать мерных суток в одну сторону, тридцать в другую, и неделю команде на отдых.

Такой порядок действовал продолжительное время, пока накануне очередного рейса к капитану Кварту, седоватому фризонталу с безупречной служебной характеристикой, в порту не подошел военный подрядчик и не сообщил, что на этот раз их ждет «длинная рука», поход на пятьдесят суток.

– И не подумаю ввязаться в это, господин майор, у нас ресурса не хватит для такого перехода, мы ведь почти каботажная калоша, если хотите знать. Это ведь только недавно – по приказу сверху – нашу серию «удлинили», отчего мы и перешли на «среднюю руку». Так что извините, делаем, что можем.

– Это распоряжение генерального штаба флота, – сказал тогда майор и, раскрыв файл из золотистого шамблona, достал тонкий лист пластика с голографическим тиснением.

«Дорогая полиграфия», – подумал тогда капитан Кворт, который ожидал подвоха с момента появления майора. Шутка ли дело – пятьдесят мерных суток! А на какой горючке туда ехать, баки-то не безразмерные?

– Вам подцепят сервисный блок, груженный всем необхо-

димым, таким образом вы увеличите вашу дальность до требуемой величины.

– А движки мне кто будет режимом обеспечивать, приезжий дядя? Они же под списание пойдут после перегруза да при такой длинной дистанции!

– Прекрати немедленно, Кворт! – ввязался в разговор начальник порта фризонтал Мигеле. Он до боли в пояснице боялся нороздулов, а при новой власти и вовсе потерял в росте. Он понимал, чем грозят Кворту эти дерзости, однако прибывший майор был нороздулом с мозгами.

– Дорогой капитан Кворт, ситуация складывается таким образом, что ваши двигатели это та малость, которой нужно пожертвовать, чтобы доставить на базу «Фулзик» войска и технику. Родина в опасности, капитан Кворт.

– Действительно так хреново? – на всякий случай уточнил капитан.

– Кворт! – снова не удержался начальник порта, но на него не обратили внимания.

– Если бы было иначе, мы бы к вам не обращались.

Кворт снял фуражку, провел когтями по седой голове и вздохнул:

– Ну, раз так, господин начальник, говорите, что делать. Кворт многое повидал и знает, когда прищемить свою задницу и заняться настоящим делом.

– Отлично, капитан, вот ваша грузовая карта... – сказал майор, показывая пачку перфорированного пластика с голо-

граммой.

– Два полка с техникой?

– Именно так, капитан.

– А что за авиаторы такие? Почему не указаны в трюмных накладных?

– Они будут на внешних подвесках, капитан. Это не груз, это охранение.

– Охранение? – повторил Кворт и улыбнулся. Давно он не слышал подобных слов, лет, наверное, тридцать. А в прежние времена его гоняли только с охранением, а на конечных пунктах, бывало, встречали так горячо, что пробоины латать не успевали.

Невольно вспомнился визит на базу «Регент-два», в землях муглов-савояров. Это были еще те мерзавцы, и года не проходило, чтобы где-нибудь не поднимали бунт. В тот раз пришлось выпускать с подвесок все машины охранения, уж больно наседали савояры на своих шаландах.

Бой был жаркий, охранение полегло до последнего борта, и на подвески никто не вернулся, но и шаланды получили свое, и к орбитальному причалу Кворт привел танкер в полной тишине без салютов и эскорта.

Для обратного рейса пришлось ждать новых эскorterов, но возвращение прошло без приключений, и Кворт так и не узнал, каковы они в деле. Даже не виделся с ними ни разу – повода не было. У них имелась собственная кают-компания, да и танкер большой, так что даже не пересекались.

– Вам придано тридцать штурмовиков «шершень». Если возникнут проблемы, они справятся.

– Спасибо, майор, надеюсь, обойдется вовсе без проблем.

– И я надеюсь тоже, капитан Кворт. Должен ли я выступить перед вашей командой?

– Нет, сэр, в этом нет необходимости, я сам им разъясню важность этого похода.

– Именно так, капитан Кворт, всего хорошего.

Команда капитану поверила, как верила до этого не один год. Если он сказал, что нужно сделать работу, никто не возникал – Кворт лишнего не потребует. И если Метрополия в опасности, ее нужно спасать.

С того разговора минуло уже десять суток, а «Бра-Дуэ-то» еще продолжала разгоняться. Кворт не терпел спешки с перерасходом топлива, и через пару суток судно должно было выйти на крейсерский режим, а пока даже сидевших на внешних подвесках штурмовиков он заставлял стартовать против хода, чтобы не мешали разгону. Они так и делали.

Когда все дела на вахте были закончены, а дежурные расставлены по местам, Кворт надел куртку простого матроса и пошел по трюмам, чтобы посмотреть, каково там пассажирам и грузам.

Разумеется, он мог получить все сведения от вахтенных служб, трюмного старшины или палубных инспекторов, но все предпочитал увидеть сам. Да и развлечением это было каким-никаким, все же рейс длинный.

Пехота повсюду играла в кости, смотрела фильмы и занималась по распорядку. Даже здесь командиры не давали бойцам покоя, совершенствуя их выучку. Солдаты недовольно лязгали клыками, морщились, но раз за разом повторяли упражнения по перезарядке оружия и метанию клинков

в магнитные ловушки.

В трюмах с техникой механики шлифовали броню шагающих машин и танков, вновь и вновь проверяя все соединения, в который раз прозванивая тестерами системы наведения.

Ничего такого, чего бы Кворт не видел раньше. Времена менялись, а порядок в войсках оставался тем же. И было в этом что-то хорошее, что-то из молодости капитана Кворта.

Во время очередного обхода, где-то на пятнадцатые сутки путешествия, его остановили двое нороздулов – сержант и рядовой.

– Будь здоров, приятель, – сказал сержант. – Ты из экипажа? Мы тебя тут давно приметили...

– Ну да, – пожал плечами Кворт, вспомнив, что на нем куртка матроса машинного отделения.

– Ты румку-то шмалишь?

– Не, не приучен я. Медкарта запрещает.

– Ну а нам запрещать некому, давай отойдем в курилку – покалякаем.

– Да я вроде как спешу, ребята.

– Ладно, машинист, не беспокойся, – сказал ему рядовой. – Через десять минут уйдешь целым, я так думаю.

И они с сержантом засмеялись.

Кворт пожал плечами, и они прошли в вентилируемый бокс, где, сидя на откидных скамейках, можно было покурить.

– Ты точно не будешь? – еще раз спросил сержант, показывая трубочку с разрешенным порошком.

– Нет, спасибо.

– Ну а мы с камрадом дернем по одной. А то скучно тут у вас.

Рядовой с сержантом закурили, пуская к потолку желтоватый дым.

– Мы чего тебя спросить-то хотели, чего у вас слышно о нашем задании? – спросил сержант.

– Я про вас ничего не знаю. Наше дело – доставить и посадить, – признался Кворт.

– А чего промеж вас говорят про муглов-людей?

– Ничего не говорят.

– Да ладно, все говорят, а они не говорят! – не согласился с ним рядовой.

– Это не говорят, это лишь болтают, а болтают в команде всякое.

– Бояться их надо? Какая у них техника?

– Этого я не знаю, но вроде они собираются напасть на базу.

– На «Фулзик»?

– Ну наверное, раз вас туда на усиление перебрасывают.

– Ты не думай, механик, я к фризонталам отношусь хорошо, – заверил сержант.

– И я хорошо, – подтвердил рядовой. – У меня, между прочим, даже свояк фризонтал.

– Как это? – спросил сержант.

– Сестра жены вышла за него замуж...

– А как же дети?

– По программе генетической помощи будут делать.

– Ой, стоило ли ввязываться, там, говорят, столько мороки.

Сержант выпустил к потолку плотную струю дыма, швырнул окурок в окошко регенератора, и вышел вон.

– Видишь, как переживает, – кивнул ему вслед рядовой.

– О чем же?

– Половину жалованья проиграл какому-то инсайдеру.

– У меня на судне инсайдеры?! – вскочил Кворт.

– Не бойсь, нет у тебя никаких инсайдеров, механик, – ухмыльнулся солдат. – Это он еще до отправления проиграл, вот до сих пор и переживает.

И, добив дозу последней затяжкой, рядовой также швырнул окурок в мусороприемник и вышел в коридор.

Вернувшись в рубку, Кворт повесил на вешалку рабочую куртку и остался в капитанском кителе.

Его помощник отвлекся от экрана и, покачав головой, снова погрузился в показания навигатора.

– Ну и что там, какие новости?

– Ты приперся, это новость самая главная. Чего не спится-то, ты ж вахту отстоял?

– У капитана служба одной вахтой не измеряется, Луи. Нужно знать, что происходит на судне, где какая температура, не травит ли газ, не греются ли кабели.

– Для этого имеется служба судового инженера.

– Имеется. Но он работает, как ты любишь, – от вахты до вахты, а это неправильно.

– Поэтому ты переодеваешься, как клоун, и шастаешь по трюмам, следя, не мочатся ли пехотинцы мимо галюна.

– И это тоже, – согласился Кворт. – Ты, кстати, что про муглов-людей знаешь?

– А чего там знать? Муглы и муглы.

– Это всё?

– Война с ними была, когда инсайдеры на их сторону переметнулись.

– Ну, это я слышал... – сказал Кворт, приглядываясь к показаниям навигатора.

– Слушай, не мешай работать! – потребовал помощник, отодвигая капитана огромной лапой.

– Все, не мешаю, – согласился Кворт, отходя к панели визуального наблюдения, закрытой плотной бронированной шторкой. Не от пуль и снарядов, а от мелкодисперсного космического песка.

– Пообщался с двумя пехотинцами – ну прямо твои копии.

– Тоже нороздулы? – усмехнулся Луи.

– Нет, тоже румку курят.

– Румку курят? – повернулся на стуле помощник.

– Курят. В открытую и запросто. Говорят, что скучно у нас.

– Они еще не знают, что такое скучно, – вздохнул Луи, возвращаясь к экрану. – Но если им румку курить разрешают, значит, готовят к серьезному делу.

– Ну, наверное, – согласился Кворт. – Вчера майор от летчиков приходил – осматривал ремонтный док.

– Зачем им ремонтный док?

– Пока незачем, но он смотрит дальше. Говорит, что ближе к месту могут появиться корабли людей и тогда у ремонтников будет много работы.

– У нас ремонтников раз-два, и обчелся.

– Это да. Но у них своих двадцать муглов с двумя бригадами-фризонталами, а вся аппаратура на борту имеется.

– Этой аппаратуре пятьдесят лет, Кворт.

– Вот и он так сказал. Ну и дерьмо, говорит, у вас ремонтная аппаратура, капитан. А потом добавил: но и ее будет достаточно. Достаточно будет, понял?

Кворт включил привод, и бронированная шторка поползла вверх, открывая черный экран открытого космоса.

– Ну и чего ты там хочешь увидеть?

– Звезды, Луи.

– Ты тридцать лет летаешь, неужели не нагляделся?

– Звезды, как вода, на них сколько ни смотри, они всякий раз другие.

– Ну, понесло старого...

– На себя посмотри, возраст самый перезрелый, а ни семьи, ни детей.

– Успею еще.

Они помолчали, Кворт смотрел на звезды, Луи на облачные скопления космического мусора. Грузовое судно было полностью автоматизировано, однако считалось хорошим тоном подстраховывать автоматику, это помогало экономить топливо, когда компьютер, слишком страхуясь, выбирал ну очень обходные траектории.

Вспышка от стартовавшего «шершня» осветила рубку. Кворт даже отстранился, закрываясь ладонью.

– Что там? – спросил Луи.

– Учебу затеяли, с подвесок стартуют – вон, как далеко полетели.

И он указал на огоньки двигателей разворачивавшихся штурмовиков.

– Сколько же они горючки изведут...

– Сколько изведут, это их дело. У них свой заправочный узел. А если все изведут, нам же лучше – транспорту легче маневрировать будет.

Луи кивнул. Чем меньше масса, тем, конечно, лучше, но вот что топливо жгли зря, ему не нравилось. А то, что зря, он был уверен.

– А что за муглы у них в ремонтных командах? – спросил он.

– Савояры.

– Савояры? А если они бунт поднимут?

– Я ихнего командира тоже спрашивал. Он сказал, что это не те савояры, а другие. Ну, вроде как из другого гнезда, дескать, у них даже своя война имеется между савоярами, и этих савояров можно брать в любые операции, и они будут верны, потому что они против тех савояров, которые все вре-

мя бунтуют.

– Как просто у тебя все получается, Кворт, – другие савояры, и ты спокоен. А как теперь ночами спать, зная, что у нас за рундуком двадцать муглов-бунтовщиков?

– Ну командир же объяснил...

– Да чего он там объяснил, савояры все равно на борту. Ты про этих савояров только слышал, а я еще когда старшиной был, ходил в ихние сектора с карательной миссией.

– И много покарали?

– Да уж немало, артиллерия с орбиты была беспрерывно. Триста сорок миллиметров, представляешь себе? Не пушки, а монстры, и таких по левому борту двести пятьдесят три штуки. Что там на планете осталось, даже представить страшно, но когда возвращались, савояры нам такой провожай устроили, что потом в доке четыре месяца провалялись. И все простыми шаландами, представляешь? Шаланда, а на ней три ракеты или торпеда. Летят на полной скорости, отцепляют – и в сторону.

– А бортовое ПВО?

– Было у нас ПВО, лучшее в эскадре. Мы же тогда под знаменем Рувандийской эскадры ходили.

– Руванди? Ты служил на Руванди?

– Служил... – нехотя подтвердил Луи.

– А почему никогда не рассказывал?

– Ты не спрашивал.

– Я не спрашивал, потому что сказали, будто ты штраф-

ник.

– А что, штрафники уже не каттинги?

– Дело не в этом. Просто я психологию выдерживал, старался, чтобы тебе как-нибудь не повредить.

Новая вспышка озарила рубку, и теперь даже Луи вскочил с места и подошел к видеопанели.

– Да что они там устроили, Кворт?

– Похоже, настоящие стрельбища. Сбросили в космос несколько пустых бочек и стреляют по ним ракетами.

– Эти бочки не похожи на савоярские шаланды.

– Вот и хорошо, надеюсь, мы их никогда не увидим.

– Бочки?

– Шаланды.

В банях Джек разбирался плохо, можно сказать, вообще ничего не понимал. В военном городке он обходился душем, как и остальные бойцы, но всегда находились два-три знатока, которые обменивались мнениями, дескать, вот если бы была баня и чтобы пар погорячее!

Джек этого не понимал, однако относился к подобным разговорам с уважением. Мало ли какие у людей увлечения, вот как у него с курицами.

От долгого пребывания в условиях десантного корабля появлялись другие привычки, возникали новые темы для разговоров и открывались совсем уже неожиданные возможности, и одна из них – судовая баня.

Место это для экипажа было особым и постоянно занятым из-за большого спроса, и Джек об этой бане ничего бы не узнал, но так случилось, что один из офицеров десантного корабля оказался выпускником того же учебного заведения, что и Хирш. И хотя учились они в разное время и в разных филиалах, но этого хватило, чтобы у Хирша и его друзей появились некоторые привилегии, в том числе и баня.

– Завтра в бане открывается пара «окон», – сообщил накануне вечером Хирш.

– И больших окон? – уточнил Шойбле, вылавливая сливы из банки с компотом.

– «Два» и «один», – загадочно произнес Хирш.

– Это пароль, что ли? – спросил Джек.

– Нет, не пароль. Один человек может прийти на сорок пять минут в шесть часов утра, и два человека – после обеда, но на полчаса.

– Я утром спать буду, – вздохнул Шойбле и, выплюнув косточку на ладонь, стал внимательно ее рассматривать.

– Я бы тоже поспал, – сказал Хирш. – Будем тянуть жребий?

– Не будем тянуть, я пойду на шесть часов, только мне инструктор нужен или что-то в этом роде. Я про баню от Леона-Рыбака кое-что слышал, но от него что услышишь, нужно делить на четыре.

– Там будет банщик, он выдаст полотенце, тапки и шапочку.

– Шапочку? – удивился Шойбле. – Там что, дождь или холодно?

– Сказали – чтобы голову не напекло.

– Да, Леон-Рыбак что-то такое говорил, – припомнил Джек. – А еще там надо себя чем-то стегать, это правда?

– Да, кисть дадут...

– Кисть?

– Не кисть, а помело из драного лыка! – уверенно заявил Шойбле и ссыпал косточки в пустую банку.

– Ты хоть сам понял, что сказал? – усмехнулся Хирш.

– Нет, – так же уверенно ответил Шойбле. – Ну не помело

– веник.

– А чего ты утром, Джек? – спросил Хирш. – Спится плохо?

– Нет, просто после обеда лейтенант Реймонд обещал мне показать боевой ярус.

– Тогда порядок.

Дверь в кубрик открылась, и появился лейтенант Кроу – четвертый пассажир их маленькой кают-компаний.

Кроу командовал взводом ремонтников-универсалов и почти все время проводил в их компании на другом уровне корабля, а в кубрик приходил только спать.

– Ну что, уйдешь, наконец, к своим, освободишь нам жизненное пространство? – спросил Шойбле, который с самого старта пытался выдавить чужого из кубрика.

– Нет, не уйду, – вздохнул Кроу, садясь на свою койку и пододвигая Шойбле. – Теперь все время здесь буду, таков приказ начальства.

– Что за приказ?

– Да вот, даже часть работы с собой принес. Надеюсь, запах растворителя никого не напугает, вентиляция тут хорошая...

И Кроу начал выгружать из баула, который принес с собой, какие-то железки, присадки для шлифовки, чистую ветошь и банки с краской.

– Эй, камрад, ты чего?! – забеспокоился Шойбле и повернулся к Хиршу в поисках поддержки, а тот уже едва сдержи-

вался, чтобы не рассмеяться. Джек тоже улыбался, прикрываясь ладонью, и Шойбле понял, что на розыгрыш попался только он.

– Не, ну это неприлично! А еще офицер! – возмутился он, и хохочущий Кроу стал убирать свои «артефакты» обратно. – Это тебе урок, Петер, я знал, что ты попадешься. На самом деле, я к своим переезжаю, у нас там в ангаре все условия, даже шашлык приготовить можно, а тут...

Кроу огляделся, скривив физиономию.

– Тут даже кислорода мало, какие уж шашлыки.

– А вместо тебя никого не подсунут?

– Нет, официально я тут – вот на этой койке, так что если квартирьер придет, а ты валяешься на моей койке, сразу говори – лейтенант Кроу, вес восемьдесят два килограмма, рост метр восемьдесят семь.

– Подколол, да?

– Подколол. На прощание.

И с этими словами Кроу вышел, а Шойбле помолчал немного, а потом сказал:

– Ну что, коллеги, получается, я победил.

Оказалось, что баня – дело, в общем, понятное, и ничего в ней особенного Джек не обнаружил. Его прикрепили к двум местным, которые провели новичка через тесный жаркий коридор, что-то объясняли про ковши и каменку, а еще про обвар веника, который ему тоже выдали вместе с нелепой войлочной шапкой.

Пару раз его даже хлестнули этой штукой по спине, но особого удовольствия Джек не получил, наверное, потому, что больше внимания уделял теоретической части, которая так и перла из его сопровождающих.

В общем, суета и совершенно невнятные инструкции. Лишь когда Джек вышел из бани, весь в чистом, после стакана чая с какой-то лесной травой, он почувствовал, что как будто стал легче. Ноги подпрыгивали чуть выше, руки подлетали сами собой. Но, может, это гравитационные соленоиды барахлили? Однако лейтенант Реймонд заверил, что не соленоиды.

– Баня – это такое дело, что даже новичок легкость почувствует, а уж профи кайф получают уже в парилке! Как наркоманы!..

– А вы сами кто, сэр, профи?

– Я тебе не «сэр», я тебе Патрик.

– Да, Патрик, спасибо. Ну так кто ты – профи?

– Не знаю, профи или нет, но баню люблю. Маньяк, блин, стал какой-то...

И они рассмеялись.

Дело было в длинной служебной галерее, куда удалось пройти только благодаря магнитному пропуску Реймонда.

– Круто! Но начальство даст тебе по шапке, если узнает?

– Ничуть. Я подбросил капитану идею, и он за нее ухватился.

– А что за идея?

– Придем на место – объясню.

На следующий уровень они поднимались на лифте. Новый ярус представлял собой широкий коридор с низким потолком и множеством дверей по обе стороны.

Заметив, что они почти прозрачные, Джек подошел к первой из них и увидел неясные контуры кресла, а перед ним какую-то аппаратуру.

– На что похоже? – спросил Реймонд.

– Ну... немного на кабину робота.

– Отлично.

Реймонд приложил к замку магнитную карточку и распахнул дверь, жестом предлагая Джеку пройти первому.

– Ух ты! – произнес тот осматриваясь. – Гидравлической жидкостью пахнет.

– Гидравлической жидкостью? – переспросил капитан и потянул носом.

– Не беспокойся, она очень летучая и пахнет резко, но не

обязательно, что где-то утечка. Не факт.

– О! – еще раз восхитился Джек, останавливаясь возле кресла, перед которым было несколько рычагов, назначение которых было ему интуитивно понятно.

– Ты можешь сесть.

– Серьезно?

– Ну, конечно.

Джек сел, поискал настройки и подогнал положение кресла под себя. Приводы работали четче, чем в кабинах роботов, а когда он взглянул на панель приборов, оказалось, что она уже включилась и приборы показывали углы пушек, диаграммы температур снарядов в магазинах и типы их боевых частей. А еще было радарное окно – пока пустое.

– Это стрелковая позиция?

– Разумеется. Нажми вот эту кнопку и тогда...

– Что тогда?

– Ты нажми.

Джек нажал, и бронированные створки разошлись, открывая перед ним черное пространство космоса.

– Что же это такое? – поразился он, дотрагиваясь поочередно до рычагов управления.

– Это одна из оружейных башен, Джек. Две пушки, сто пятьдесят миллиметров, полторы тысячи снарядов до первой перезарядки, но вообще боекомплект не лимитирован.

– Круто!

– Пусть это не гаусс, зато снаряды с реактивным ускорением.

телем, причем летят в лазерном тоннеле.

– Это зенитный пост?

– В общем, да, но до трехсот километров можно ударить по более крупным целям. Не исключается возможность удара даже по более далеким объектам, но это уже по указанию с центрального поста в капитанской рубке.

– Там другие возможности, правильно?

– Да, там можно рассчитать баллистику, хоть на десять тысяч километров, и выдавать облако снарядов, чтобы оно пересеклось с целью.

– Облако снарядов. Где-то я это уже слышал.

Реймонд предложил Джеку попробовать разворачивать пушки, и тот стал аккуратно включать подачу. Башня вращалась почти как на «греях», только помягче, без рывков. Во всем тут чувствовалась основательность и высокое качество исполнения.

– Здорово! Такие огромные пушки, а кабина ходит, как часики!

– Пострелять хочешь?

– Пострелять? А куда?

– Ну, просто так садануть в даль.

– Нет, просто так неинтересно. Тут ведь даже земли нет, нельзя увидеть подрыв или хотя бы пыль.

– Ладно, посмотрим, что можно сделать.

Реймонд дотронулся до лацкана кителя, активизируя передатчик.

– Але, Паскаль...

– Здравствуйте, сэр. Чего-то вас сегодня не было видно. Власик раскуривал классную траву, и мы...

– Я по делу, Паскаль.

– А... Понимаю.

– У тебя катапульта готова?

– Тридцать бочек.

– Мне нужно две или пять.

– Но, сэр, они же летчиками заказаны!

– Летчикам еще дозарядишь.

– Да я и так уже от пахоты валюсь, а тут еще новые бочки закладывать!

– А я скажу капитану, что если бы не ты, у нас бы дело не сдвинулось.

– Какое дело?

– Потом расскажу. Но все пряники тебе.

– Точно?

– Слово офицера.

– Хорошо, верю. Что нужно делать?

– Отстрели по правому борту бочку. Пока одну.

– Хорошо. Пять, четыре, три, два, один – залп!

На панели замигала синяя лампочка, а по экрану побежали волны, сходясь на захваченном объекте.

– Это мне?! – обрадовался Джек.

– Тебе.

– Автоматику отключить?

– А не промажешь?

– Стрелять с автоматикой неинтересно, только на гашетку жать.

– Ну, давай вручную, только она уже на трех тысячах метров... – заметил Реймонд, глядя на увеличивающийся показатель дистанции.

– Не уйдет, – сказал Джек, прилаживаясь к незнакомой механике. – Если все так хорошо подогнано, то...

И он сделал пристрелочный выстрел. Снаряд унесся в даль и прошел метрах в десяти от вращающейся бочки.

Джек взял поправку, и снова выстрел. На этот раз снаряд с бочкой разошлись на какой-то метр, и сразу новый выстрел, от которого бочка разлетелась вдребезги, а снаряд взорвался чуть дальше.

– Класс! Это глубинный взрыватель, да?

– Так точно. Прошибает борт и взрывается за броневой защитой.

– Машинка просто обалденная, Патрик! Я и не знал, что механика может быть такой гладкой! – продолжал восхищаться Джек, поглаживая рычаги.

– Тут иначе нельзя, за один раз эта пушка может отстучать до десяти тысяч снарядов.

– А потом?

– Замена ствольных вкладышей. Это примерно минут пятнадцать, и снова десять тысяч.

– Обалдеть! А ты ребятам это будешь показывать? Вот уж они оттянутся, они-то спецы – зенитчики!

– Нет, это слишком дорогое занятие, снаряды стоят денег, а капитан разрешил мне опробовать только тебя.

– Почему?

– Видишь ли, у нас большая недоукомплектация. Обслуга и механики почти по штатному расписанию, а вот стрелков не хватает. Здесь пятьдесят кабин, а у нас в наличии пятнадцать стрелков, которые стреляли лишь по бочкам.

– Ну так и наберите пилотов, у вас на борту три сотни роботов.

– Все это так. Но кого набирать, как это выяснить?

– Грееводов берите.

– Ну, их тридцать два человека.

– Почти комплект.

– Нет, друг мой. Если начнется атака на корабль, стрельба будет вестись в таком темпе, что человек больше пятнадцати минут не выдержит. При такой концентрации сил хватает только на четверть часа, а потом стрелок будет только даром переводить снаряды.

– Значит, на замену?

– Вот именно. И желательно на каждую кабину иметь хотя бы по три стрелка, только тогда оборона будет работать, как задумано.

– Да, мудрёно, – покачал головой Джек. – И все же, почему такая нагрузка?

– Скорости очень большие, к тому же отражать приходится не только авиацию противника, но и ракетные залпы, они ведь стрельбу начинают с дальних дистанций – сначала торпеды отцепляют, потом ракеты, а уже облегченные, с хорошим маневром, подходят на расстояние пушечного огня. Поэтому приходится попотеть.

– Я даже не представляю, как можно перехватить из пушки торпеду, – произнес озадаченный Джек.

– А вот для этого, приятель, и существует автоматика и

толстенные световоды для обмена информацией с расчетным сервером, который стоит в бронированной кабине в самой середине корабля.

– А пэ-эр-зэ у вас не думали ставить?

– Вроде раньше такой вариант обдумывали, но то ли не могли сделать пэ-эр-зэ достаточной маневренности, то ли они на радаре мешались. Одним словом, нету у нас перехватчиков, кроме тех, что на подвесках сидят.

– Красивые, кстати, машины. Я раньше только атмосферники видел.

– Машины красивые. Дорогие и очень мощные, вот только пилоты там скороспелки.

– Почему?

– Не успели обучить по полному курсу. Операция готовилась в спешке, нас с ремонта сняли на две недели раньше с недоукомплектованным штатом. Однако хватит о грустном, ты еще стрельнуть хочешь?

– Ну, ты еще спрашиваешь, – улыбнулся Джек.

– Тогда скомандую еще четыре бочки веером, а ты переведи на зажигательные, сейчас такой салют увидишь, просто загляденье.

Вечером, после ужина, только и было разговоров, что про баню, и самым главным докладчиком, как всегда, выступал Шойбле.

– Ох, Джек, ты бы видел эту печь! Она раскалилась докрасна, и когда этот усатый боцман, или как там его называют, заливал туда воду, она просто взрывалась, как пэ-эр-зэ, и белый дым прямо по потолку, по стенам, так что я сразу пригибался и сидел возле пола, пока воздух остывал.

– Ну и какой смысл в таком поведении? – выговаривал ему Хирш, видимо, уже не первый раз.

– Да плечи жжет, я же тебе объяснял.

– Чего тогда в парилку полез?

– Все полезли, и я полез, я же не знал, чего от этого ожидать – я первый раз в бане! Джек, ты-то как попарился, тебе понравилось?

– Сначала не очень, – ответил Джек после паузы. – А когда вышел, почувствовал прилив сил. Наверное, так и должно быть, да, Тедди?

– Не знаю, я тоже не особенный специалист в этом деле. А ты чего такой заторможенный?

– А я разве заторможенный?

– Заторможенный, – подтвердил Шойбле. – Я это еще за обедом заметил, когда ты омлет съел, а потом сказал, что не

брал второе.

– Меня Реймонд на ярусы водил, пушки показывать.

– Это утром, что ли?

– Да, после бани.

– И чего там было? – спросил Шойбле.

– Он показал мне целый ярус с башенными пушками.

Сдвоенные, сто пятьдесят миллиметров, полная автоматика, самонаведение.

– Стрельнуть дали?

– Да, по бочкам.

– И в чем проблема? – спросил Хирш.

– А почему ты решил, что есть проблема?

– Ну ты сходил посмотреть и стал тормозить.

– Да, Джек, ты стал тормозить, – подтвердил Шойбле, вскрывая ключом банку со сгущенкой.

– Меня Реймонд информацией нагрузил, так что я до сих пор разбираюсь.

– Напугал? – уточнил Хирш.

– Да. Описал, как выглядит атака штурмовой авиации, в подробностях. Дал пострелять, так что я прямо погрузился в эту проблему целиком. Вас, грееводов, такими делами не удивишь, а я озадачился.

– Ну и с чего ты там озадачился? – уточнил Шойбле, поливая сгущенкой ванильную булочку.

– Меня беспокоит перехват торпед и ракет.

– Вот сказанул-то, а? – воскликнул Шойбле и облизал

край банки, чтобы сгущенка не капнула на штаны. – Перехват ракеты кого угодно напряжет, да, Тедди?

– Да, Петер, но торпеда опаснее. Если ты ее не сбил, она тебя испарит до молекул.

– И чего вы эту мутотень завели, коллеги? Будет проблема, будем решать, чего заранее пугаться? Давайте пожрем лучше.

– Ты недавно с ужина, – напомнил Хирш.

– И что? Ужин уже в прошлом, а сгущенка здесь и сейчас. И булки, двадцать штук в упаковке – очень рекомендую. К тому же после ужина была еще баня. А баня забирает калории, господин лейтенант, оттого и хочется кушать.

– Но вчера не было никакой бани, но ты жрал точно так же.

– Была баня, не было бани, это все условности – есть жратва, можно покушать, нету – терпи до завтра. У нас она есть уже сегодня, Тедди, чего ты тут митинг устраиваешь?

– Реймонд сказал – пилоты перехватчиков у нас необстрелянные и плохо обученные... – сказал Джек, и воцарилась тишина, Шойбле даже жевать перестал.

– Это скверно, – произнес Хирш и взял из упаковки булку.

– Джек, ну что ты опять? Нам что, кто-то угрожает? – спросил Шойбле.

– Нет, это я в общем. Извини, Петер, ты прав, давай закусим.

Прошло еще десять суток. В баню больше не ходили, обходясь общественным душем, хотя Реймонд предлагал выкроить очередное «окно».

Хирш все время читал – на корабле оказалась большая библиотека.

Джек предавался раздумьям, а Шойбле замучил персонал пищеблока поиском еды, которой еще не пробовал.

Этим утром была задержка завтрака из-за аварийной ситуации – во время учебного полета разбился один из перехватчиков. Все, кто толпился у столовой, строили предположения, а один, якобы посвященный в эту тайну, рассказывал, что штурмовик вцепился в борт десантного корабля и разбился вдребезги, но соседи из другого кубрика настаивали на легких повреждениях машины, всего-то сорвавшейся с подвесок.

Так, в неведении и легкой тревоге, Джек, Хирш и Шойбле заняли свой обычный столик, то и дело поглядывая в сторону панорамного иллюминатора.

– Как думаешь, Тедди, он вцепился или слегка повредился? – спросил Джек, пододвигая тарелку с кашей.

– А я тебе доктор, что ли? Вот придет Реймонд, он и расскажет.

– А чего тебя это так парит? – с деланой легкостью поин-

тересовался Шойбле. – Это учения, приятель. В условиях, близких к боевым, всякое бывает.

Они еще не успели доесть кашу, когда в их зале появился новичок, которого прежде здесь не видели, – какой-то лейтенант в непонятном комбинезоне. То ли техник, то ли...

– Это летчик, – прошептал Джек и толкнул Хирша в бок.

– Ну и зачем ты меня под ребро ударил?

– Давай позовем его к нам.

– Зачем?

– Мы выдоим из него всю информацию.

И Джек снова ткнул Хирша под ребро.

– Блин, Стентон, ты мне весь прием пищи испортил... Эй, парень, давай сюда, у нас место свободное!

Новичок поднял голову и с радостью закивал, поспешив на приглашение.

Джек встал и отодвинул для гостя стул.

– Джек Стентон, капрал, – представился он.

– Реми Ренатто, лейтенант, авиационный отряд прикрытия.

Последние слова Реми произнес едва слышно и, улыбаясь через силу, пожал руки Хиршу и Шойбле.

Заметив прибавление, официант принес еще тарелку каши и два тоста с вареньем.

– А меду у тебя не найдется, приятель? – воспользовавшись случаем, спросил Шойбле.

– Господин сержант, вы весь мед у нас еще вчера вымели!

Или забыли?

– Ну извини, – сказал Шойбле, и официант ушел.

– Так что там у вас приключилось, Реми? – спросил Джек. – Ничего, что я на «ты»?

– Ничего, Джек, – вздохнул летчик. – Видишь, где я завтракаю, из кают-компаний меня поперли.

– То есть на тебя свалили всю вину? – попытался угадать Хирш.

– Так точно, сэр.

– Какой я тебе сэр, я тоже лейтенант.

– Извини, мне показалось, ты сказал «капитан Хирш»?

– Показалось, – отмахнулся Хирш.

– Ну, в общем, я лишь попробовал включить неучтенную панель, только включил – ничего больше, и то лишь на стыковке, пока замки срабатывали.

– И что?

– Включил, а она как саданет! Оказалось, что панели на «пуск» заточены! Оказывается, нужна специальная подготовка, а где у нас подготовка, если даже полковник Стоун про эти перехватчики ничего толком не знает?!

Джек, Хирш и Шойбле обменялись понимающими взглядами и временно прекратили расспросы, так много горечи было в словах их нового знакомого.

Они подождали, пока он успокоится и перейдет к тостам с вареньем.

– Так, значит, никто там у вас не разбился? – осторожно

спросил Джек.

– Нет, конечно. Это я малость штангу погнул, только и всего. Зато теперь все знают, что будет, если включить джи-панель.

– То есть они благодаря тебе узнали про эту панель, а потом выгнали из кают-компаний? – уточнил Хирш.

– Ну... не совсем так. Я сам ушел, потому что видел, как они на меня смотрят и вообще ни во что не ставят. Может, даже спишут скоро.

– Если и спишут, то не скоро, мы слишком далеко от баз, Реми, так что можешь не волноваться.

– А что еще интересного в этой джи-панели? – спросил Джек, заинтригованный проблемами летного отряда.

– Там есть «суперстарт», кнопка, включающая секретный блок двигателя.

– Секретный блок? – переспросил Джек и обменялся с приятелями многозначительными взглядами. – А в чем его сила, почему его засекретили?

– Засекречена его конструкция, а вообще он нужен как экстренный ускоритель. Включил его, и скорость увеличивается в сто раз.

Приятели снова замолчали, им требовалось обдумать услышанное.

«Наверное, он бредит», – предположил Хирш, улыбаясь.

«Неудивительно, что его поперли из кают-компаний», – ухмыльнулся Шойбле. А Джек оставался внешне спокой-

ным, и лишь когда Джозеф докусал тост с вареньем, спросил:

– А ты ничего не напутал, камрад? Может, скорость увеличивается в два или в три раза?

– Ну, или хотя бы в пять раз, – добавил Хирш.

– Нет, не напутал. Я инструкцию читал – инструкции нам показывали, а реальных навыков не привили, сказали, времени нет, сказали, не успеваем. Тосты, кстати, классные, нам только бутерброды с икрой дают. А добавку тут можно спросить?

– Возьми мой, – сказал Джек, кладя тост на блюде Реми.

– И мой! – добавил тост Хирш.

– И мой, – с готовностью отозвался Шойбле, хотя на этот тост у него были планы.

– Откуда же такие скорости, Реми? Как при такой скорости рулить можно? – поразился Джек.

– У нас говорят – маневрировать, – поправил его Реми, принимаясь за дареное угощение. – Но маневрирование – это еще не все, самое интересное – это средства связи, которые используются при включении скорости «марш-два».

– И что же за средства?

– А хрен его знает, что там в коробочке находится. В инструкции говорилось про какие-то прерывания, обратные волны, стоячие волны... И это...

Джозеф перестал жевать, пытаясь вспомнить трудное название.

– Внепространственный импульс нелинейной формации!

– И все в этой коробочке? – уточнил Шойбле.

– Все в ней. И включается она, заметьте, тоже вместе с джи-панелью.

– Лейтенант Ренатто! – послышался вдруг строгий начальственный голос, и все повернулись в сторону выхода. За столиками воцарилась тишина, завтрак прервался.

– Это полковник Стоун... – прошептал Реми и стал то-ропливо вытирать руки салфеткой.

– Продолжайте трапезу, господа, все в порядке! – объявил майор, пришедший с командиром летного отряда. И все снова вернулись к своим тарелкам.

– Сэр, прошу прощения, я вспылел, – промямлил Реми, поднимаясь из-за стола.

– Мы принимаем ваши извинения, лейтенант. Можете возвращаться в кают-компанию, лейтенанту Скунлаку уже вынесено устное замечание. Он не имел права на такие обвинения.

– Благодарю вас, сэр.

Реми бросил прощальный взгляд на недоеденные тосты и направился к выходу. За ним, коротко взглянув на компанию за столом, направился и командир летчиков, а вот пришедший с ним майор с хитроватой физиономией подошел к столу и уселся на место Реми.

– Не возражаете?

– Возражаем, – сказал Джек, заставив Хирша покачать го-

ловой.

– А вы кто такой, капрал?

– Вы знаете, кто я такой, вы читали мое досье.

Майор на мгновение смутился, но лишь на мгновение.

– А с чего вы взяли?

– С того, майор Браун, что все досье с пометками вам необходимо читать по служебной необходимости. На корабле десять тысяч пассажиров, но досье с пометками имеют едва ли полторы сотни.

– А вы, Стентон, еще тот фрукт, – заметил майор.

– В досье и об этом написано, сэр.

– Ладно, дело не в этом. Что вам удалось выведать у лейтенанта Ренатто?

– Он боится, что его спишут, – вмешался Хирш, чтобы Джек не наговорил лишнего.

– И все?

– Не все, – сказал Шойбле, кладя локти на стол. – Он сообщил нам, сэр, что в летной столовой вместо тостов дают икру, я даже подозреваю, что черную.

– Это не тайна. Им это положено по тарифу снабжения. А больше вам сообщить нечего?

– Нечего, майор Браун, – сказал Джек все так же неприветливо.

– А откуда, позвольте узнать, мистер Стентон, вы узнали мое имя?

– А вам не приходило в голову, сэр, что когда вы читаете

чье-то досье, кто-то читает ваше?

– Ага, – неопределенно произнес майор, поднимаясь. – Ну ладно, сейчас я уйду, но наш разговор не окончен.

И майор вышел из столовой, а Хирш промокнул салфеткой лоб и сказал:

– Ты всех нас подставляешь, Джек. Откуда ты узнал, кто он и как его зовут?

– Ну, ты же видел, какая у него самодовольная физиономия. И ботинки не от летной формы, а от той, в которой он ходил прежде, – растоптанные, удобные. Из-под штанины торчит тоненькая бирочка от химчистки – «Браун».

– Я тоже заметил, – обронил Шойбле, забирая свой нетронутый тост.

– Но он-то подумал... Страшно даже подумать, что он подумал, Джек!

– Ничего он нам не сделает, Тедди. Пока мы здесь, мы всем нужны, а Брауна мы крепко напугали, он теперь будет думать, что мы какие-нибудь параллельные агенты СГБ.

– Агенты СГБ столько не жрут, – заметил Хирш в адрес Шойбле, который торопливо дожевывал тост.

– Откуда ты знаешь? – возразил тот.

– Я пойду, – сказал Джек, поднимаясь.

– Подожди, сейчас чаек принесут! – сказал Шойбле. – Настоящий листовой, никакого порошка!

– За какие такие заслуги? – спросил Хирш.

– За двадцать ливров на весь рейс.

Поскольку большинство солдат все еще находились в столовых, в коридорах было относительно тихо. То там, то тут пробегал кто-то из опаздывающих к завтраку, и снова воцарялась тишина.

Последнее время Джеку нравилось бывать в одиночестве, скученность его угнетала. Десять тысяч человек в плотной застройке десантного корабля – это не шутки. И не важно, что они были распределены по жилым зонам, Джек ощущал присутствие всей этой людской массы, как будто они отбирали у него воздух.

Он часто отправлялся в столовую раньше всех, чтобы пройтись по опустевшим коридорам, не слушая бесконечной болтовни Шойбле.

Хирш – тот понимал подобные моменты, а Шойбле постоянно навязывался в провожатые, говорил – подожди нас, сейчас доедим и пойдем вместе.

Шойбле не понимал.

Решив посетить туалет, Джек сразу нацелился на серебристую дверь в конце яруса, но неожиданно с одного из кубриков вышел совершенно незнакомый ему человек, одетый в светло-серый обтягивающий комбинезон.

«Как педик», – подумал Джек, не одоблив такой наряд, а незнакомец бросил на него быстрый взгляд и поспешил к

дверям туалета.

«И этот туда же», – недовольно подумал Джек и, войдя в туалет, попытался на глаз вычислить кабинку, в которой укрылся этот странный посетитель. Однако на всех шести дверцах горел зеленый огонек, а значит, замок изнутри закрыт не был.

«Извращенец?» – предположил Джек, еще не зная, откуда могли взяться посторонние извращенцы в обтягивающих костюмах.

Разумеется, нарушать интимный процесс было неприлично, но почему не закрываешь кабинку изнутри, если ты не извращенец?

И Джек, одну за другой, стал вышибать ногой дверцы, чтобы «извращенец» схлопотал по носу.

Но никто не схлопотал – все кабинки оказались пустыми.
– Ничего себе, – произнес Джек, занимая одно из мест. – А куда же он подевался?

Между тем в туалете было тихо, и, спокойно сделав все дела, Джек вышел помыть руки, заодно осмотрел помещение туалета и не нашел никаких скрытых ниш, незаметных дверей и даже съемных панелей второго потолка. Все было надежно закрыто, забито, завинчено.

– Не могло же мне это показаться, – сказал себе Джек, выходя из туалета.

Он еще раз оглянулся, вспомнил, как шел от лифта и увидел «педика» в сером трико. Все было наяву, никаких там

галлюцинаций, и если рассказать Хиршу, тот неопределенно разведет руками и все, дескать, это к доктору. А если Шойбле... Нет, Шойбле лучше ни слова.

Ночью было немного душно и беспокойно, все время мерещились какие-то образы, посторонние звуки.

Накануне вечером Шойбле снова рассказывал старые анекдоты, но даже сам им уже не смеялся. Потом они пили чай, в пятый раз после ужина, а затем легли спать.

– Скорей бы уже на место, – сказал тогда Хирш.

– Я тоже так думаю, – ответил Шойбле.

– Я что, вслух это произнес?

– Вслух.

– Надо же.

«Странно как-то», – тогда еще подумал Джек, и когда коллеги уснули, он еще ворочался и посматривал на дверь кубрика – надо было пойти и отлить, чай просился наружу.

Он вылез из-под одеяла, сунул ноги в казенные тапки и, открыв дверь, оказался в коридоре.

На потолке, потрескивая, горел светильник дежурного освещения. Где-то играла приглушенная музыка – наверное, у механиков, они любили ночные посиделки.

Джек направился к туалету – в дальний конец коридора, но вдруг обнаружил стоящего на дороге незнакомца – того самого, в сером трико.

Еще не успев испугаться или удивиться, он увидел, что никого в коридоре нет и никто не мешает ему пройти до туалета.

та, однако возникшее ощущение неудобства заставило Джека обернуться, и он снова увидел незнакомца уже возле лифтового холла. Тот также стоял посреди коридора, сложив руки за спиной, и глядел на Джека.

«Это все сон. Мне только снится, что я пошел в сортир, а на самом деле я все еще лежу на койке. Не сходить бы под себя, а то Шойбле с Хиршем засмеют».

В туалете было тихо. Капала вода в бачке, негромко шумел вентилятор, а за бортом корабля сотнями тысяч в секунду пролетали космические мили.

Иногда, представив себе такие масштабы, Джек чувствовал легкую тошноту, а иногда ничего такого не происходило.

Войдя в туалет, он вдруг забыл, зачем сюда явился, и даже не смог определить, где он.

«Присядьте, так вам будет удобнее...» – сказали ему, и Джек присел на какой-то топчан.

«А теперь прилягте, так будет лучше... Ножки вытяните – вот так, хорошо».

Джек почувствовал слабость в теле, его глаза почти закрылись, но что-то он еще видел из-под прикрытых век. Дышал ли он? Сказать однозначно было трудно, а попытки сделать глубокий вдох ни к чему не приводили.

«Не нервничайте, это не опасно», – сказали ему, причем этот голос он слышал не снаружи, а откуда-то изнутри себя, как если бы он сам это говорил.

Поняв, что не контролирует собственное тело, Джек по-

пытался какими-то остатками сознания разобраться, где находится. Но ни потолка, ни стен разглядеть не смог, хотя снующие рядом тени он замечал и даже выхватывал фрагменты чужих неприветливых лиц.

Они были совсем никакими. Ни морщин, ни эмоций, ни усов, шрамов и каких-то других примет.

Меж собой тени как-то переговаривались, трелями, словно кузнечики, а сверху, из туманной мглы спускался многозвенный манипулятор – совсем как у боевого робота, только намного сложнее.

Он был черный и опасный, поскольку на его зажиме поблескивало острое лезвие.

«Трим-трим-трим», – сказал один из мутных силуэтов.

«Трим-трим-трим», – ответил другой, и манипулятор с лезвием стал опускаться быстрее.

Догадавшись, для чего предназначен этот инструмент Джек так перетрусил, что его начало трясти, как от разряда током.

«Трим-трим-трим», – зачирикали силуэты, а потом Джек снова услышал голос внутри себя:

«Лежите спокойно и не бойтесь, это не больно. Ну, разве что чуть-чуть...»

И в черном воздухе снова блеснуло лезвие, на которое упал луч от какого-то стробоскопа.

«Какой... ужас...» – подумал Джек, чувствуя, как тяжело поворачиваются его мысли. Он понимал, что сейчас случит-

ся, он вспомнил множество историй про похищения людей и опыты над ними. Но неужели это произойдет и с ним тоже?

Сопротивляться Джек не мог, его лишили этой возможности, тогда он вспомнил, как в детстве боролся с ночными кошмарами, когда прямо там, в страшном сне закрывал глаза, представлял себя силачом из комиксов и бил преследовавших его монстров огромной суковатой дубиной.

Случалось, ему это помогало, так почему не попробовать еще раз?

Но как сосредоточиться, если тело превратилось в кисель, а в носу постреливает от излучения стробоскопа? И, тем не менее, Джеку удалось мысленно накачать сказочного верзилу, однако тот оставался недвижим и вскоре растворился без должного применения.

«Ну все, – подумал Джек и, собрав остатки сил, мысленно закричал: – Оставьте меня, твари, оставьте!»

«Что вы сказали?» – склонился над ним один из силуэтов.

«А вот что...» – ответил Джек и мысленно дал ему в ухо.

Силуэт вскрикнул, перелетел через кушетку и свалил еще одного. Они все разом закудахтали, затараторили и выбежали куда-то в соседнее помещение. После этого к Джеку вернулись какие-то силы, он приподнял голову и огляделся, но никаких стен, потолка и дверей не обнаружил. Манипулятор со страшным лезвием продолжал пощелкивать где-то высоко за копотным туманом, а стробоскоп и вовсе погас.

«Ну вот что это, сон или реальность?» – подумал Джек.

Потом заметил на топчане, рядом с собой, какую-то серебристую вещицу – то ли ключ, то ли брелок. Это был подходящий объект, чтобы ощутить хоть что-то, и, преодолевая слабость, Джек дотянулся до артефакта и сомкнул на нем пальцы, однако ощущения были какими-то ватными.

«Тогда так...» – сказал он себе и чудовищным усилием сумел положить вещицу в карман брюк. И все, на этом силы оставили его, а потом рядом с топчаном снова появились силуэты. Но на этот раз всего пара.

«Это было совсем не умно. Совсем», – сказал голос, и «щелк!», ничего этого не стало.

Джек очнулся на полу в том самом туалете, куда заходил по делам. Правда, теперь он уже забыл, по каким, поскольку чувствовал себя очень скверно.

«Наверное, несвежее съел что-то», – подумал он, выходя в коридор, и увидел шедшего навстречу Шойбле.

– Ты чего такой зеленый? Отравился, что ли?

– Вроде, – ответил Джек. – Кашей, наверное.

– Не может быть, я съел две порции, одну при тебе и потом еще.

Шойбле потрогал живот, прислушиваясь к ощущениям.

– Нет, у меня все в порядке. А ты там что – блевал?

– Не помню. Упал просто. Я пойду – лягу...

– Да я тебя провожу, обопрись на меня.

Пока они шли к кубрику, появился Хирш.

– Тедди, Джек чем-то отравился, вызывай врача! – потребовал Шойбле.

– Отравился? – удивился Хирш, но увидев, как выглядит Джек, развернулся и побежал к лифту, а Джек подумал, что это лишнее, ему бы только поспать.

Когда пришел врач, он уже крепко спал. Врач пощупал пульс, потом лоб пациента, но, не удовлетворившись этим, достал из жестяного чемоданчика провода с накладками и с помощью Хирша укрепил их на голове и руках Джека.

Примерно минуту аппаратура в чемоданчике врача тихо попискивала, и Хирш с Шойбле боялись даже дышать, но потом врач пожал плечами и сказал:

– Он в полном порядке, и это точно не отравление. Пусть поспит пару часиков, но если не проснется до ужина, позовите меня снова.

И, собрав свое имущество, врач ушел, а Хирш с Шойбле сели рядышком и стали караулить.

– Надо же, всегда такой крепкий был и вдруг упал, – сказал Хирш. – Что он тебе сказал?

– Сказал, упал, и все. А как сюда дотащился, свалился на кровать и захрапел сразу.

Хирш вздохнул и вернулся к чтению книги, а Шойбле выбрал пару журналов, принесенных из местной библиотеки. Что-то там про технический прогресс.

Так они честно просидели часа два, после чего Джек проснулся сам и, сев на кровати, принялся проверять карманы.

Хирш с Шойбле переглянулись.

– Ты как себя чувствуешь, Джек? – осторожно спросил Хирш.

– Нормально. Вот только сон приснился, как будто я ключ в операционной стащил.

– Какой ключ?

– Ну, может, и не ключ, но уж больно сон был такой – реалистичный, я и решил что-то спереть, чтобы потом прове-

ритель – сон это или не сон.

– Ну и что?

– В карманах пусто, значит, сон.

Джек откашлялся и, потянувшись, взял со стола баночку, на которой было написано: «Компот из кизилловых ягод. Двухкомпонентный».

– И ты ничего не помнишь? – спросил Шойбле.

– Про сон?

– Про то, как в туалете упал.

– В туалете упал? – переспросил Джек и замер с банкой в руках. – Когда это было?

– Два часа назад.

– Так, может, я его там выронил? Я пойду проверю!.. – Джек вскочил с койки, но Хирш остановил его, схватив за плечо.

– Стой, мы сами сходим и посмотрим, а ты посиди.

– А чего там смотреть? – возразил Шойбле. – Я когда его притащил, тут же обратно в сортир вернулся, потому что еще от столовой терпел, но на полу ничего не было. Ты чего там выронил, Джек? Ты сказал, ключи какие-то? От чего они?

Джек помолчал немного, потом откупорил компот и сказал:

– Ладно, забудьте, похоже, это сон был.

В дверь постучали.

– Входите! – разрешил Хирш.

Узкая дверца отворилась, и появился лейтенант Реми Ре-

натто с улыбкой до ушей и пакетиком конфет.

– Не ждали, бронеходы?

– Не ждали, – сказал Хирш, сразу вспоминая про майора эсгэбэшника. Похоже, у него будет новый повод к ним привязаться.

– Я слышал, у вас лучший чай на всем корабле, а мы вроде как неознакомились и не договорили.

– Присаживайся, Реми, – сказал Джек пододвигаясь. – Хочешь компоту?

– Нет, чай давайте, – покачал головой летчик и бросил пакетик с конфетами на стол.

Шойбле поднялся и стал шарить в узком шкафчике, организовывая чаепитие, а Хирш спросил, кивая на конфеты:

– Празднуешь чего-то?

– Чего-то! – повторил Реми и засмеялся. – Вчистую оправдан, лейтенанту Скунлаку дали втык за то, что наезжал на коллегу, то есть на меня, а еще полковник Стоун сказал, что мы теперь будем изучать применение джи-панели и в том числе хождение на сверхмаршевых скоростях.

– Поздравляем, Реми, – сказал Шойбле, садясь напротив. – Сейчас будет чай.

– А чего вы не берете кипяток в столовке?

– Кипяток в напитке столь же важная составляющая, как и заварка. Его нельзя взять где-то, его нужно сделать самому.

– Ух, как важно! Я к этому всегда проще относился.

– Ну и продолжай так относиться, – посоветовал Хирш. –

Это у нас Петер с такими заморочками, а сами-то мы ребята простые.

Вскоре чай бы готов, и Шойбле начал разливать его по стаканам всем присутствующим, добавляя по паре конфет из пакета Реми.

– Да, хороший чай, – признался Реми, принимая второй стакан. – А завтра на учениях нас будут поить в кабинах химической жижей.

– У вас завтра учения? – спросил Джек.

– Не только у нас, на всех семнадцати транспортных бортах.

– Что значит – семнадцати? – не понял Хирш, отставляя свой чай.

– Ну, у нас порядковый номер – пятнадцать, а еще есть с первого по четырнадцатый и с шестнадцатого по семнадцатый.

– То есть мы не одни в десант идем? – спросил Джек, бросая на Хирша красноречивый взгляд.

– Нет, конечно, а вы разве не знали?

Спустя сорок минут, покачиваясь от напряжения, Реми вышел из кубрика и направился к лифту.

Вокруг била ключом жизнь, солдаты сновали по коридорам, разговаривали, смеялись. Кто-то менял сигареты на конфеты, кто-то продавал медовый сахар за пару чистых носков, но Реми чувствовал себя престарелой шлюхой, которую использовали, пригрозив ножом, и этим ножом оказалась его карьера.

«Да мне насрать на то, что ты чувствуешь, лейтенант! Одно мое слово, и пойдешь месить дерьмо в какой-нибудь захолустной провинции, где один вылет в год будет для тебя праздником!»

«Но, сэр, эти люди никакие не шпионы. Они нам не враги».

«А это, лейтенант, позволь мне решать – кто враг, а кто нет! Мне за это родина деньги платит, а тебе платит за то, чтобы исполнял приказы вышестоящих лиц, и в данный момент я являюсь для тебя вышестоящим. Твой командир Стоун в курсе».

Теперь майор Браун ждал его в самом низу, у яруса тылового обеспечения.

– Ну что? – спросил он.

– Посидели, попили чаю с вашими конфетами. Хороши,

кстати, конфеты.

– Что по делу?

– Я же сказал – посидели, попили чаю. А вы ожидали, что они меня вербовать начнут?

– Ожидал, – сказал Браун и вздохнул.

– Ничего подобного. Поговорили о завтрашнем учении, они оказывается, даже не знали, что десант идет не на одном корабле, а на семнадцати.

– А ты им рассказал?!

– А не надо было?

Ответом было перекошенное от досады лицо майора Брауна, он потряс кулаками и прошипел:

– Ну почему ты такой, Ренатто? Почему ты такой?!

А через пару часов с одного из скрытых за стенной обшивкой передатчиков в тонкий, малопонятный радиосредствам эфир полетело сообщение:

«Первому бюро Эльдеррасу докладываю, что десант муглов движется на предельной скорости. Персонал знает об операции очень мало. Сегодня стало известно, что группа насчитывает семнадцать десантных кораблей типа «кольдерон». Агент САПО «Ливкассо».

Получив взбучку от майора Брауна, Ренатто вернулся в свой кубрик на двух человек, где, кроме него, жил еще один пилот – Чеслав Житинский. Это был молодой человек независимых взглядов, а потому мнение «мускулистой части» эскадрильи, состоявшей из любителей бодибилдинга, он игно-

пировал, полагаясь лишь на собственное мнение.

– Где был, Реми? – спросил он, перелистывая страницы «Боевого уложения первой части».

– Ходил к бронеходам. Я с ними накануне познакомился.

– Браун этого не одобрит.

«Браун меня туда и погнал, придурок ты индюшати́нский!» – хотелось выпалить Ренатто. Он устал от этих интриг и хотел только покоя. Покоя и изучения джи-панели.

– Ничего особенного, просто жест доброй воли. Они меня поддержали в трудный момент, я отнес им конфеты.

– «Чаяновские»?

– Нет, «Рубинштейн дубовый лес».

– Оу! – произнес Житинский, откладывая наставление. – «Рубинштейн дубовый лес» подают только в первом классе, а мы принадлежим ко второму...

– Э-э... Местный повар должен мне за... за пару полезных советов.

– Согласно пре́йскуранту, «Рубенштейн дубовый лес» стоят восемнадцать ливров. Что же за советы ты давал местному повару, что он оценил их так высоко?

«Вот придурок индюшати́нский», – мысленно выругался Ренатто. Его проблема состояла в том, что он не успевал подумать, перед тем как начинал говорить. А еще этот майор Браун, который его окончательно запутал. И конфеты тоже – ну совсем не в кассу, ведь Житинский разбирался в конфетах и жрал по ночам шоколад. Ренатто следовало помнить

об этом и обходить обсуждение конфет стороной, а теперь поди, отбейся от такого!

– Я знаю некоторые народные средства от кашля и мозолей на пятках.

– Правда? – удивился Житинский.

– Правда.

– Откуда?

– Сосед работал банщиком, а еще он был запойным и на вторую неделю начинал рассказывать все, что знал. Любому собеседнику.

– И ты все запомнил?

– Не сразу. Но он рассказывал мне это столько раз, что не запомнить было невозможно.

– А теперь ты извлекаешь из этого пользу?

– Так получилось.

– А ты мог бы стать вражеским шпионом, Реми?

– С ума сошел?

– Не обижайся, это я просто так спрашиваю, для получения материала...

– Какого материала?

– К размышлениям.

«Ну и дела», – подумал Ренатто, заваливаясь на кровать. Ему намекали, что Житинский, возможно, гомик, но чтобы такое.

Утро следующего рабочего дня застало Ренатто в пилотском кресле за штурвалом его перехватчика. Точнее, не совсем его, а резервного, поскольку у его машины еще не были отремонтированы поврежденные захваты.

Подъем, умывание, завтрак, «привет, Ренатто, как твоя несчастная задница?», развод по машинам – все это осталось позади. Потом еще были заправка с левого борта, перекличка, как будто после заправки кто-то мог куда-то пропасть, развод в линию, общая инструкция и наконец конкретные наставления полковника Стоуна.

«Освобождая блокировку «джи-панели», вы должны контролировать показатель цапфы реверсивного трансформатора, поскольку...»

«О, бесконечно незаменимый полковник Стоун!» – подумал Ренатто, уже открыв стопорный механизм панели, хотя Стоун этого делать пока не разрешал. Что ж, возможно, кто-то и боялся, но только не Реми, который уже делал это, правда, не вполне удачно и не совсем в нужное время. Зато теперь он чувствовал себя намного увереннее тех, кто снимал контроль первый раз за всю летную практику.

– Прошу внимательно слушать меня, господа перехватчики, я тоже был молодым и знаю, что все, кому больше тридцати пяти, кажутся вам старыми занудными пердунами, тем

не менее – слушайте и запоминайте. Перед тем как включить тумблер «сверхмарша», потрудитесь выставить автоматическое снабжение кислородом, поскольку на некоторых режимах сверхскоростей кислород в кабинах превращается в азот.

«А вот это важно», – отметил про себя Реми, проверяя, как меняются ощущения после включения дыхательной автоматики. Получалось, что изменений нет, и это правильно, ведь никаких экстремумов пока не намечалось.

– Также следует перевести на автоматический режим влагосодержание воздуха, поскольку на сверхскоростных режимах вода в кабине превращается в гидрогенезированную каменную пыль наподобие известняка.

Ренатто слушал, что-то принимал к сведению, а что-то нет. У него в управлении был новейший перехватчик «сармат», с мощностью двигателя в двести тысяч киловатт, хотя для барражирования в районе применения ему требовалось всего три тысячи, а без джи-панели было доступно только семь тысяч пятисот.

Куда девать остальную мощь, он до последнего времени не догадывался, но теперь все было ясно – сверхмарш.

Об этом говорили перехватчики, об этом бухтели механики из подразделения обслуживания, об этом были вынуждены говорить командиры, под давлением пробуждающегося летного состава.

– ...пушечное вооружение ни в коем случае, иначе ваши снаряды полетят в обратном направлении и разрушат пушеч-

ную камеру, а вместе с ней редукторный отсек и сопло, поле чего вы превратитесь в ионизированный атомарный газ... Надеюсь, это понятно?

«Ага, – кивнул Реми, делая себе заметку, – при сверхскорости никакой стрельбы из пушек».

– ...тным вооружением тоже не следует, поскольку в лучшем случае ракеты сорвут вам подвески. А в худшем все опять же закончится облаком атомарного газа.

«Ракеты тоже не запускать», – сделал пометку Реми, хотя ему и так было очевидно, что, раз его перехватчик находится в неконтролируемом визиодисперсном состоянии, то любой источник энергии – пушка или стартующая ракета, тотчас становился дефлектирующими спанисточником со ступенчатым распадом – то есть для сторонних наблюдателей ярким облаком или вспышкой.

Становиться вспышкой Реми не хотелось. Да, он бы не прочь рискнуть, но вспышкой – нет, увольте. Он еще хотел попасть на ужин, ведь сегодня обещали омлет с грибами.

«Обожаю омлеты!» – признался себе Реми и чуть не прозевал главное:

– ...ступить к самостоятельному выполнению!

– Вот это я люблю, камрады! – произнес он на открытой волне.

– Вообще-то сообщение делается для командира звена, – напомнил ему лейтенант Лумарь, конопатый командир их звена.

– Я что, не могу высказать частное мнение?

– Можешь, Реми, но лучше в сортире и шепотом.

Лейтенант Ренатто это «проглотил». Можно было дерзить полковнику Стоуну, можно было скрыто хамить Брауну, но командир звена был слишком близко, чтобы что-то не слышать, и мог найти самый изощренный способ наказания, о котором старшие начальники даже не догадывались.

«Ты сегодня в наряде, Ренатто...»

«В каком наряде?»

«Ты что, не смотришь журнал распорядка?»

«Ой, извини... А сколько сейчас времени?»

«Четыре двадцать. До заступления на дежурство четырнадцать минут. Умыться ты успеешь...»

Вот как-то так. А кому это надо?

– Прошу прощения, командир, что будем делать? Ваши предложения, сэр?

– Ну, это... Помаленьку давай, выясняй пределы техники, я бы так сказал...

– Отлично, командир, выполняю ваш приказ, – ответил Реми и открыл крышку управления векторной тягой.

Тридцать процентов, семьдесят процентов и сто процентов. Наверное, можно было сразу рубануть и на семьдесят, но Реми решил, что за последнее время на него свалилось достаточно тумачков.

Он выбрал тягу сверхмарша в тридцать процентов и нажал кнопку, подтверждая выбор. Перехватчик начал на-

бирать скорость, вдавливая Реми в анатомическое кресло. Впрочем, ничего особенного пока не происходило, небольшие перегрузки, показатели на панелях – в норме.

В наушниках все еще слышался голос комзвена Лумаря, а значит, можно было давить дальше.

Семьдесят процентов тяги, и подтверждение. И снова небольшие перегрузки и немного другая карта звезд, впрочем, навигатор пока еще ориентировался и не подавал сигнала тревоги.

«Ну и чего нас пугали?» – подумал Реми, смело выводя ползунок на сто процентов.

Подтверждение!

На экране появилось новое окно: «Вы действительно желаете выключить данный режим?»

– Нет, блин, пошутил просто! – возмутился Реми, еще раз вдавливая кнопку подтверждения, и опять – шлеп, перегрузки, а после перегрузок карта звездного неба... не появилась. Ни сквозь стекла кабины, ни на навигаторе, который просто отключился, Реми звезд не увидел. Хорошо хоть комзвена оставался на связи.

– Але, Лумарь, у меня тут кое-какие недоразумения... – начал вызывать Реми.

– Ну, это... Помаленьку давай, выясняй пределы техники, я бы так сказал...

– Какие пределы, Лумарь, я ни хрена не вижу! Вокруг смазанная каша! Каша смазанная!!!

Бодрое настроение покинуло Реми, он уже откровенно боялся, слыша, с каким напряжением работает автоматика кислородного снабжения. И, значит, кислород в кабине действительно превратился в азот, а вода в какой-то там камень.

– Але, Лумарь, ты меня слышишь?

– Ну, это... Помаленьку давай, выясняй пределы техники, я бы так сказал...

– Я сброшу скорость, слышишь?

– Ну, это... Помаленьку давай, выясняй пределы техники, я бы так сказал...

Наконец до Реми дошло, что в наушниках он слышит одну и ту же старую фразу командира звена, а значит, никакой связи со своими не было.

– Ладно, вас понял, – сказал он сам себе и заметил, что голос его дрожит. – Сбрасываем тягу до семидесяти процентов. Ползунок – раз... Подтверждение – два...

Он прислушался к ощущениям – ничего не изменилось, и за стеклом оставалась все та же смазанная каша – никаких звезд.

– Ну, хорошо, переводим с семидесяти до тридцати. Ползунок – раз, подтверждение – два. Ну, давай же, сволочь!

Ничего не изменилось и в этот раз, отчего Реми почувствовал, как у него сжимается тонкий кишечник. Где находился этот кишечник, он до сих пор не знал, а вот теперь чувствовал отчетливо.

Был полдень по судовому времени. Капитан Кворт сидел в углу трюмного кафе, которое использовалось как столовая для офицерского состава.

В этот раз на вахте стоял молодой офицер, которого взяли в рейс впервые, однако Луи за ним приглядывал, так что капитан мог без проблем выпить чашечку любимого тако.

В кафе вошли двое нороздулов из пехотной части десанта. Подошедший мугл принял у них заказ и ушел, а Кворт прикрыл глаза и посидел так с полминуты, наслаждаясь ощущениями которые давал крепкий горячий тако. Не всегда получалось вот так посидеть, вытянув ноги, обязательно что-то где-то случалось. Оно и неудивительно, судно большое и старое, тут без приключений никак.

Вскоре после пехотинцев пришли летчики – четыре нороздула и фризонтал. Они заняли большой столик возле витража, и к ним подошел другой мугл – первый был занят заказом пехотинцев.

Послышались негромкие голоса – это появилась пара нороздулов из диспетчерского пункта, который обеспечивал приданную авиацию. У летчиков все было свое – связь, тыловое обеспечение, ремонтная служба и даже служба безопасности. С одной стороны, права Кворта как капитана слегка отодвигались, но он не обижался – его дело возить, а уж чего

они там между собой решают, его не касалось. Страшно было представить, чтобы они взваливали на него свои проблемы, ведь публика в десанте попадалась разная, кто-то втихую пил рингозин или курил фишку, а кто-то вез секретные донесения или вообще был какой-нибудь шпион.

Знавал Кворт одного капитана, Бублит была его фамилия, который тоже ходил на большом сухогрузе военного подчинения. Так вот этот Бублит решил наводить на судне собственные порядки – именно в десантном отсеке. Лез во все дела и случайно вляпался в какие-то международные секреты, так потом просто исчез с судна. Как будто испарился.

Три дня искали да и списали на сумасшествие. А куда он мог деться с судна в открытом космосе? Ясное дело – только за борт. Но космическое судно – это не морское, тут за борт случайно не падают. Чтобы вытолкать тело наружу, надо очень постараться.

Нет, судовой строгости, Кворт, конечно, придерживался, он мог любому офицеру за брошенный мусор немалый втык сделать. И те его побаивались, уважали и с докладами приходили – дескать, столько человек в наличии, столько ко сну отбыли. Ну и замечательно, всего вам хорошего.

А второго дня прибежали сержант и рядовой – извиняться. Откуда-то узнали, что это они капитана в курилку затаскивали про жизнь поболтать.

Смешные. Кворт им так и сказал – бегите отсюда к своим командирам, я вас знать не знаю и вижу впервые. Смешно

получилось, у них глаза чуть из-под надбровных дуг не выкатились с испугу.

Смешные.

Кворт допил тако и уже собирался уходить, когда двое диспетчеров вдруг подпрыгнули, словно им под задницы ударили, и, прижимая к ушам гарнитуры, выскочили из кафе, хотя заказ уже сделали.

Пилоты штурмовиков переглянулись – диспетчеры были им как родственники. И тут вдруг кто-то из них тоже получил сообщение, и они тоже рванули, едва не перевернув стол, а шедший к ним мугл с двумя груженными подносами чуть не свалился.

Раз-два, и нет никого. Кворт тоже поднялся и зашагал к выходу, также прижимая к уху гарнитуру.

– Луи, ты меня слышишь?

– Слышу, капитан, как не слышать, ты же так орешь.

– Ладно, не хами! Что там на радаре, у нас диспетчера с летчиками из кафе брызнули, как жуки из-под лампы. Что там видно?

– Я еще не смотрел!

– Ну так посмотри, я уже иду.

Пока шел к рубке, поднимаясь на одном лифте, опускаясь на другом, капитан чутко определил, что с борта стартуют штурмовики – один, второй, третий. Другой бы ничего не почувствовал, ведь масса судна, по сравнению с массой штурмовика, огромна, но Кворт так долго служил на этом грузовике, что знал все его тычки, щелчки и дрожи. И уже вибрация от старта штурмовика сильно от них отличалась.

Когда он прибыл в рубку, Луи уже сидел, воткнувшись в рабочее место с тремя включенными экранами, а нороздул-практикант с выпученными глазами и открытым ртом стоял у поднятой визиограммы.

– Опустит жалюзи, Френе, – сказал ему Кворт. – Если будет бой, это защитит от осколков.

– А с кем будет бой, сэр?! – воскликнул Френе, торопливо переключая приводы.

– С врагом, приятель. С настоящим коварным врагом.

И, подойдя к замершему Луи, Кворт спросил:

– Что там?

– Похоже, дифракционное возмущение...

– Далеко?

– Ну, если все сойдется, то через двадцать минут они будут здесь.

– Кто они, сэр?! – спросил Френе, но на него не обратили

внимания.

– Значит, они идут в пространственной каверне?

– Кворт, ты говоришь, как какой-нибудь профессор. Откуда такие познания?

– Давай по делу...

– Ну да, вроде идут на плоскостном срыве. Такие-сякие муглы... А ведь нам говорили, что они червями питаются и живут на деревьях. Правда, Френе?!

– Я не очень вас понимаю, господин первый помощник.

– Тупой потому что, – пробурчал Луи и перекусил карандаш надвое.

– Ну, зачем ты! Я же им пометки делал?! – возмутился Кворт, выхватывая обломки.

– Извини, старик, так получилось. Похоже, они идут с опережением. Они набирают скорость, Кворт!

Луи ткнул в экран когтем, и по нему побежали волны.

– Ну, ты еще нам монитор проткни, зверюга! – воскликнул Кворт и дал Луи подзатыльник.

– Извини, – сказал тот, не отрываясь от наблюдений.

– И... И это все, первый помощник?! – проявился вдруг Фене. – Жалкий фриз оскорбил нороздула, а вы смолчали?!

Кворт с Луи посмотрели на практиканта, а потом расхохотались до хрипа, так что Френе совсем перестал ориентироваться.

– Значит, так, лейтенант Френе, – сказал Луи. – Сегодня после дежурства вы не идете отдыхать, а надеваете свой луч-

ший мундир. Лучший – слышите? Я проверю.

– Я понял, сэр.

– Ни хрена ты пока не понял. В лучшем своем мундире ты возьмешь грязную байду с самой вонючей тряпкой и работаешь коридор номер... восемнадцать.

– Но там же целый гектар!

– Не гектар, Френе, и за брехню ты освоишь еще перемычки в соседний погрузочный коридор. Понял меня?

– Вы... вы не имеете права... я... офицер и нороздул... Моя родословная...

– Засунь свою родословную... Одним словом, боец, если мне что-то не понравится, твоя характеристика будет страшнее, чем фильм ужасов, понял?

– Так точно, сэр. Но за что? За нарушение фалькистата по национальности за номером сорок пять дробь восемь?

– Да я понятия не имею, о чем ты говоришь, Френе, просто я хочу, чтобы ты стал нороздулом с большой буквы, а не куском дерьма из зоопарка. Понял меня? А впрочем, кого я спрашиваю.

Луи отмахнулся и снова погрузился в показания мониторов.

Френе стоял, как алебастровый столб посреди пещеры, безмолвный, звонкий и пустой внутри. Он не был таким уж нацистом, просто немного страдал фризобией.

– Ладно, я с ним поговорю, – сказал оказавшийся рядом капитан. – Кое-что ты, конечно, получишь, ибо – заслужил,

но никаких ссанных тряпок – это я тебе обещаю.

– Правда, сэр?

– Тсс, тихо, – приложил Кворт палец к тонким фризонтальским губам. – Если он услышит, все может стать еще хуже.

– Да, сэр, прошу прощения, – прошептал Френе, с ужасом поглядывая на огромного Луи Олверта, который был так сложен, словно все его предки занимались добычей скального грунта.

– У тебя как с физической подготовкой?

– В каком смысле?

– Хочу заменить тебе мытье гектаров на погрузочные работы.

– О да, сэр, это было бы неплохо!..

– Ладно, считай, дело сделано. Ты, главное, прикидывайся упаковочным пластиком и больше с ним не спорь.

– Спасибо, сэр!

– Спасибо скажешь, если он ничего не заметит и не выбросит тебя за борт. Вот тогда и поблагодаришь.

Несмотря на то что сам приказал практиканту опустить бронежалюзи, капитан Кворт снова открыл их и увидел отходящие от борта штурмовики. Форсажные струи самых первых из них уже полыхали далеко впереди.

– Разве можно выполнять перехват на «шершнях», сэр? – спросил подошедший сзади Френе.

– Согласно боевому уложению, нельзя, но ракеты им под брюхо тоже кто-то цеплял.

– Я видел их ракеты – «эрхо-два», перехватывают цель в трех режимах.

– Ну, а чего тогда спрашиваешь?

– Можно честно, сэр?

– Ну, разумеется.

– Мне немного не по себе.

– Трусись?

– Есть немного. Оттого и гнусности говорил, хотел подержать себя.

– С гнусностями – это к Олверту, он по гнусностям эксперт.

Первый помощник на эти намеки никак не реагировал, поскольку следил за показаниями радиолота.

– Что там, Луи?

– Похоже, правда, что-то сюда прет...

– Эскадрилья муглов?

– Может, эскадрилья, а может, одиночная торпеда.

– Торпеда на сверхмаршевой скорости?

– А почему нет? Рванет в сотне миль от нас, а посудина расплзется на молекулы в течение часа.

Кворт вздохнул.

– Вот ведь мерзость какая, раньше все было как-то честнее, ударили из пушек, корпус в клочки, а ты им ракетный залп в ответ. Но все наглядно, открыто. Я когда лейтенантом на «Эркандере» служил, такого насмотрелся – на сто лет жизни хватит! Но и там все по-честному было, никакого тебе сверхмарша! Свистели осколки, и были все ужасы разгерметизации, но чтобы такая пакость, как молекулярная дефрагментация, причем в тот момент, когда ты и думать о ней забыл...

– Я вижу «шершни», они возвращаются! – сообщил Френе.

– Я тоже вижу, – сказал капитан. – А что зенитчики, они в курсе?

– Полагаю, что да, у них с летчиками один начальник – майор Лаври Гринн.

Между тем штурмовики не возвращались, они пытались быть готовыми к выходу вражеского аппарата, который определенно следовал встречным транспорту курсом.

Вдруг яркая вспышка полыхнула в паре километров от судна, и промелькнул ярко-оранжевый силуэт остроносого

перехватчика.

С башен прицепленной секции ударили зенитки, желтая плазма врезалась в корпус нарушителя, отчего он снова полыхнул ярким, почти белым пламенем и исчез, как будто его и не было.

Следом роем пронеслись «шершни».

– Сбили, да? Они его сбили, сэр? – спросил Френе.

– Не знаю, парень, – покачал головой капитан. – Тут ничего нельзя знать наверняка. Если сбили – где обломки? Где брызги металла?

– А может, он весь превратился в излучение? – предположил практикант.

– Как думаешь, Олверт?

– Едва ли такое возможно, – пожал плечами первый помощник. – Что-то должно было остаться, какой-то мусор. – Но это точно был стратосферный перехватчик, обводы у него будь здоров, не то что наши разлохмаченные «шершни».

– А если это был разведчик? – спросил Френе.

– Если это был разведчик – ему удалось уйти... – Олверт откинулся на спинку кресла и поскреб подбородок. – Тогда это очень хреново. Он засек наши координаты, снял показатели динамики, массы...

– И приведет друзей, – добавил Кворт.

Тем временем встревоженные «шершни» продолжали кружиться вокруг судна. Загудел вызов радиосвязи.

– Слушаю, Кворт, – ответил капитан.

– Сэр, это командир летной службы майор Гринн...

– Я видел, что произошло, майор. Вы об этом хотели мне сообщить?

– Об этом, сэр, и кое о чем еще. Я могу зайти?

– Ну, разумеется. Я на мостике.

Связь отключилась, и стало тихо. Вокруг продолжали носиться штурмовики, заставляя всех нервничать еще больше.

– Спустись в штурманскую, Френе, подожди там, – сказал капитан.

– Да, сэр, конечно, – с готовностью отозвался практикант и выскочил из рубки, как будто именно в ней скопился весь его страх.

– Может, мне тоже уйти? – поднялся Олверт.

– Шутишь? Ты первый помощник и свидетель всего произошедшего.

Прошло еще минут пять, никаких вспышек вторичной интерференции навигационная аппаратура не замечала, и это слегка остужало ситуацию. Впрочем, Олверт и Кворт понимали, что вражеский аппарат, если он уцелел, вряд ли успел вернуться и доложить о результатах. Вот через час-другой ждать визитеров уже можно. Если это был разведчик. И если он уцелел.

В дверь постучали.

– Входите, майор! Мы вас ждем! – крикнул Кворт.

Вошел Гринн, коротко стриженный нороздул, с лицом какого-нибудь сержанта-морпеха, но никак не летчика.

– Здравствуйте, сэр, – сказал он и покосился на Олверта.

– Это первый помощник, при нем можно говорить обо всем. Мы только что были свидетелями случившегося.

Капитан указал гостю на стул и даже поинтересовался, не желает ли тот тако, но майор отказался.

– Нет, благодарю вас, я просто присяду.

Майор сел, поддернул брюки, чтобы не смялись двойные стрелки, и поправил аксельбанты. У него было «серебро второй степени», такое надо было заслужить.

– Мы обязаны докладывать вам как капитану транспорта. Это необходимо...

– Да, я слушаю, майор.

– В общем, если вы все видели, то это был не разведчик, наша аппаратура показала нестабильность его спектров, попросту говоря, при выходе он терял массу – материал его машины попросту распался.

– А он, что же, сам вышел к судну, по приборам? – уточнил Олверт.

– Нет, его выбросило возле подходящей массы – солидная масса нашего грузовика спровоцировала выход.

– А потом его уничтожили? – спросил Кворт.

– Не думаю, сэр. Показания спектрометра не дают нам оснований говорить о разрушении материи, только холодный распад.

– Холодный – в кавычках? – уточнил Олверт.

– Разумеется, первый помощник.

– М-да, – покачал головой капитан. – Но мы можем рассчитывать, что он не вернется с целой эскадрильей перехватчиков? Мне показалось, это был перехватчик?

– О да, сэр, у вас наметанный глаз. Это был перехватчик типа «женева», когда-то подобные машины поставляли нам инсайдеры.

– Там, где инсайдеры, всегда подстава, – сказал Олверт.

– Ты еще по фризонталам пройдишь, – напомнил ему Кворт, вызвав улыбку майора Гринна.

«Улыбка монстра – это симпатично», – отметил про себя Кворт.

– Нам осталось идти шесть суток. Шесть суток, и мы на твердой земле, под присмотром местной ПВО и перехватчиков. Дотянем без приключений, как думаете, майор?

– Уверен, что дотянем. Появление истребителя муглов было случайностью.

– Хорошо. Это все?

– Так точно, сэр, – сказал майор, поднимаясь и снова машинально поправляя аксельбанты.

«Франт», – подумал Кворт и сказал:

– Не смею вас больше задерживать.

– О да, сэр, но вы останетесь мне должны...

– Что же?

– Чашку тако.

Они посмеялись и расстались вполне пристойно, хотя Кворту этот майор с оскалом хищника не понравился.

– У тебя устаревший взгляд на личности, босс, – сказал ему Олверт, который давно служил под началом Кворта и хорошо его знал.

– И что, на самом деле он ягненок белой шерсти?

– Необязательно. Но он выполняет свою работу, а мы свою, и если у нас совместно все получается, то он ягненок белой шерсти.

Жизнь в бюро разведки была не сахар. Особенно в отдаленном бюро, где нет поддержки дюжих шефов и за каждый байт информации нужно отвечать собственной шкурой.

В воздухе стоял устойчивый запах фишки, смешанный с ароматами машинных масел от систем охлаждения серверных устройств. Настольная лампа освещала сразу два стола, за одним из которых сидел худой нороздул и, глядя в одну точку, «добивал» окурок с фишкой.

На экране подрагивал готовый пакет, ожидая дальнейшей передачи, но связи не было, и оператор коротал время, покуривая фишку.

Можно было, конечно, добавить рипоницила, но эффект от него всегда непредсказуемый – за такое могли попереть со службы, поэтому оператор ограничивался фишкой. Крепкой адсорбированной фишкой, от которой дохли даже микробы.

Возможно, кто-то стал бы осуждать Линкса Фео за это пристрастие, но случалось, он неделями ждал вестей с той стороны, а потом они вдруг обрушивались водопадом, так что даже окурок с фишкой воткнуть было некогда. И потом снова – тишина на пару недель, как будто они там все сговорились.

Распахнулась дверь, и в бюро вошел его начальник – майор Хонсейн.

– Опять залил шары, придурок?

– Я на грани стресса, сэр...

– Я это вижу. Что, «эвкатлон четыре» молчит?

– Что «эвкатлон четыре», что пять или восемь, они все, гады, ушли в отпуск, и только мы вдвоем здесь колупаемся.

Вы, кстати, фишку-то курите?

– Заткнись, пока я тебя не убил, – просто сказал майор Хонсейн, проходя вдоль серверов и приглядываясь к регистрационной информации на экранах. Но что он мог там увидеть? Только отчеты о расходе охлаждающего масла и больше ничего.

– Ты знаешь, что у нашего бюро новое начальство, Линкс Фео?

– А чем было плохо старое, сэр?

– Оно не понравилось гризоттам.

– Гризоттам? Но разве они не в зоопарке?

– Замолчи, несчастный, это теперь наша власть, понял?

– Не понял, сэр, но я вам верю. Я давно вас знаю.

– Ох, Линкс, боюсь, при новых порядках ты долго не протянешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.